

А. Е. Ризенкампф

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ
Первая полная публикация**

Полный текст воспоминаний Александра Егоровича Ризенкампфа (1821–1895) о Достоевском еще никогда не был в печати. На протяжении девяноста лет после их написания мемуары друга юности писателя были известны исследователям его жизни и творчества лишь фрагментарно, причем не в авторской редакции, а в изложении, иногда весьма свободном, О.Ф.Миллера, который вместе с Н.Н.Страховым подготовил для Полного собрания сочинений 1882–1883 гг. первую посмертную биографию Достоевского.¹

13 августа 1881 г. в разделе «Хроника» петербургской газеты «Новое время» (№ 1960) было опубликовано сообщение от имени А.Г.Достоевской, «озабоченной составлением в скорейшем, по возможности, времени полной и подробной биографии покойного Федора Михайл. Достоевского», в котором содержалась просьба вдовы писателя, обращенная «ко всем хранящим у себя какие-либо от него письма или же имеющим сообщить о нем какие-либо им лишь известные сведения», «доставлять все подобные материалы в распоряжение лиц, которым поручила она составлять биографию». И далее приводились адреса для корреспонденции: О.Ф.Миллеру летом в

© Б.Н.Тихомиров (вступ. ст., подгот. текста, примеч.), 2018

¹ См.: Миллер О.Ф. Материалы для жизнеописания Ф.М.Достоевского // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб., 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф.М.Достоевского и Приложениями. С. 1–176 (1-я паг.) (далее — *Биография*).

Павловске, а после 1 сентября — в Петербурге, в Эртельевом переулке (дом № 2).

А. Е. Ризенкампф был одним из первых, кто откликнулся на это обращение, и уже в начале декабря 1881 г. прислал из Пятигорска, где он жил с 1875 г., на указанный адрес объемистую рукопись, содержащую его воспоминания о юношеских годах Достоевского, с которым он состоял в дружеских отношениях с 1838 по 1844 г.

Эти мемуары явились ценным подспорьем в работе О. Ф. Миллера над биографией писателя за указанный период. Но использовал текст Ризенкампфа он лишь выборочно, частью в цитации, частью в пересказе со ссылкой на используемый источник, руководствуясь решением собственных задач по созданию жизнеописания Достоевского.

Рукопись Ризенкампфа представляет собою самодельную тетрадь большого формата (27x21 см) объемом в 35 листов, в которой заполнены 67 страниц. Первые 25 страниц текста воспоминаний, на которых мемуарист подробно излагает историю своего знакомства в Ревеле со старшим братом Достоевского Михаилом Михайловичем и приводит свидетельства, важные для биографии последнего, практически остались не востребованными О. Ф. Миллером, который резюмировал их содержание в пяти строчках своего текста. Но и из последующих 42-х листов биограф писателя использовал в своей работе едва ли треть, скав изложенные мемуаристом сведения, которые посчитал необходимыми для своей работы, в шесть с половиной страничек книжного текста.² Таким образом, большая часть мемуаров А. Е. Ризенкампфа осталась после завершения работы над первой посмертной биографией Достоевского,figурально выражаясь, «под спудом».

Длительное время местонахождение рукописи воспоминаний друга Достоевского, находившейся в распоряжении О. Ф. Миллера³, было неизвестно. Лишь в 1971 г. она поступила в Государственный литературный музей от искусствоведа Л. И. Гутмана. И в 1973 г. опять

---

² Большая часть текста О. Ф. Миллера, представляющая собою изложение мемуаров Ризенкампфа, компактно напечатана как единое целое (см.: *Биография*. С. 48–53); еще шесть фрагментов объемом от четырех до шестнадцати строк включены в повествование, опирающееся на материалы из других источников (см.: Там же. С. 30, 34–35, 41, 42, 48, 64–65).

³ «Письма (Достоевского. — Б. Т.), доставленные в подлиннике, по снятии с них копий, будут немедленно возвращены по принадлежности», — сообщалось в указанной публикации «Нового времени». О других материалах ничего сказано не было. Можно предположить, что рукопись Ризенкампфа осталась в архиве О. Ф. Миллера.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

же фрагменты мемуаров Ризенкампфа были по автографу опубликованы Г.Ф.Коган в 83-м томе «Литературного наследства».⁴

Каков был принцип отбора фрагментов воспоминаний, которым руководствовалась редакция «Литературного наследства» при подготовке публикации?⁵ Во-первых, за исключением ряда мест объемом по несколько строчек, необходимых главным образом для связности изложения, в публикацию *Лит. наследства* не были включены все те эпизоды, которые нашли отражение в *Биографии*. И уже вследствие этого имели место содержательные потери, поскольку О.Ф.Миллер в своем изложении опускал многие, на его глаз, несущественные детали, которые тем не менее обладают определенной ценностью. Так, например, в *Биографии* оказался опущенным факт личного знакомства Достоевского с бельгийским кларнетистом Йозефом Блазом или выпали из текста фамилия и адрес ростовщика Маслова, к которому писатель обращался по причине хронического безденежья, и в результате эти лица из окружения писателя остались неизвестными исследователям. Исключил Миллер также характеристику, данную Ризенкампфом шведу Карлу Дерону, в гимнастическом заведении которого они встречались с Достоевским, или купировал выразительную портретную зарисовку денщика писателя Семена, который служил у Достоевского в середине 1840-х гг.

Не однажды текст Ризенкампфа пострадал в изложении Миллера и в «художественном» отношении. Скажем, весьма колоритная сцена в ресторане Лерха, скатая в пересказе более чем вдвое, утратила в *Биографии* значительную часть конкретных деталей и много потеряла в своей выразительности. То же можно сказать и об эпизоде в кафе «Доминик», где все обольстительные речи шулера, коварно втянувшего Достоевского в игру в домино, сокращены в пересказе до одной реплики.

В некоторых случаях купюры, сделанные О.Ф.Миллером, привели к тому, что в биографической литературе утвердились сомнительные свидетельства, сделанные другими мемуаристами. Так, например, в воспоминаниях К.А.Трутовского, опубликованных в 1893 г.,

---

⁴ См.: Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Публ. Г.Ф.Коган // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86: Ф.М.Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 322–331 (далее — *Лит. наследство*).

⁵ Менее вероятно, что сокращения в тексте воспоминаний были сделаны по инициативе Г.Ф.Коган. Зная лично Галину Фридмановну, я могу предположить, что она должна была ратовать за полную публикацию.

указано, что квартира Достоевского в Графском переулке находилась на *втором* этаже. Однако Ризенкампф, который сам в 1843–1844 гг. жил в этой квартире, пишет, что она была расположена на *третьем* этаже. Его свидетельство в этом пункте представляется более предпочтительным. Но, поскольку Миллер сократил его при цитации и оно до настоящего времени оставалось неизвестным, в краеведческой литературе многократно сообщалось, что в доме Прянишникова, где создавался роман «Бедные люди», Достоевский жил на втором этаже.

Приведенные примеры можно еще умножить. Публикация в *Лит. наследстве* воспоминаний Ризенкампфа по автографу могла бы восполнить подобные содержательные потери, но выбранный редакцией принцип не позволил этого сделать.

Оказались не включенными в публикацию *Лит. наследства* и фрагменты, касающиеся личности самого мемуариста. И это тоже нельзя посчитать оправданным. Так, например, в биографических сведениях об А.Е.Ризенкампфе как правило сообщается, что он «служил кондуктором в Ревельской инженерной команде вместе с М.М.Достоевским» (28₂; 591; Указатель имен). Однако в воспоминаниях Ризенкампф подробно рассказывает, при каких обстоятельствах его планы занять одну из двух кондукторских вакансий *не осуществились*, после чего он и отправился в Петербург поступать в Медико-Хирургическую академию. Это тоже пример не единственный. Крайне важно для исследователей также попутное замечание Ризенкампфа, что в период общения с Достоевским он «постоянно вел кой-какие записи», сохранившиеся у него ко времени работы над воспоминаниями.⁶ Данное указание повышает достоверность свидетельств мемуариста, и опускать его в публикации *Лит. наследства* тоже не следовало бы.

Еще менее оправданным оказывается исключение из текста *Лит. наследства* биографических сведений о старшем брате писателя —

---

⁶ Странным представляется утверждение комментаторов *ПСС*, согласно которому «„Записки“ Ризенкампфа, которые он вел в течение пятидесяти лет, были использованы О.Ф.Миллером для „Жизнеописания Ф.М.Достоевского“» (28₂; 591). Они были использованы самим Ризенкампфом при написании мемуаров, в распоряжении же Миллера была лишь рукопись 1881 г. В придачу речь должна идти о «Записках», оставшихся после кончины их автора в 1895 г. (см. некролог А.Е.Ризенкампфа в № 50 петербургского еженедельника «Врач» за 1895 г.), в противном случае, если согласиться, что О.Ф.Миллер получил их в свое распоряжение в 1881 г, придется признать, что автор начал вести их в *десятнем возрасте*.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

М. М. Достоевском. В частности, выпали из публикации некоторые лирические стихотворения Михаила, которые, стоит подчеркнуть, сохранились только в записи Ризенкампфа: «Не плачь о том, что все твои надежды...» или «Ты не услышишь меня. Моя грустная песня...». Михаил непременно сообщал все свои лирические опыты брату, с которым он состоял в лишь частично сохранившейся от тех лет переписке, и тот отзывался о них в ответных письмах. Но, кроме «Видения матери», мы их знаем только по названиям, однажды упомянутым Достоевским. «Твои лирические стихотворенья были прелестны, — пишет Федор: — „Прогулка“, „Утро“, <...> „Роза“ (кажется, так), „Фебовы кони“ и многие другие прелестны» (28₁; 67). «Эти стихотворения М. М. Достоевского <...> до нас не дошли», — сокрушаются комментатор *ПСС*, предлагая читателям ознакомиться с «отрывком еще одного его юношеского стихотворения» (28₁; 414, примеч.) по публикации в *Лит. наследстве*, видимо, даже не подозревая, что в рукописи Ризенкампфа целиком воспроизведены еще два стихотворения объемом в 20 и 16 строчек. Это также круг чтения молодого Достоевского, и уже только поэтому они должны быть опубликованы. Кстати, как и беспомощные стихи самого Ризенкампфа, о которых, по завещанию мемуариста, его юный друг горячо высказывался.

В дополнение к сказанному необходимо отметить, что при включении в сборники «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (1964 и 1990 гг.) перепечатки воспоминаний А. Е. Ризенкампфа из *Биографии* и из *Лит. наследства* были, в свою очередь, также несколько урезаны⁷, в результате чего современный читатель (а нередко и исследователь, не обращавшийся к первоисточникам) лишился еще ряда свидетельств, содержащихся в мемуарах друга юности писателя. Так, скажем, указание на увлечение Достоевского стихами третьестепенного поэта Дмитрия Сушкова⁸, а также упоминание, что он «то и дело тихо распевал про себя» роман «Прости меня, прости, прелестное созданье...», содержится только в *Биографии*, а текст стихотворения М. М. Достоевского «Видение матери» известен лишь по публикации *Лит. наследства*.

---

⁷ А с другой стороны, в текст, восходящий к *Биографии*, по невнимательности публикаторов оказался включенными фрагмент, не имеющий отношения к мемуарам Ризенкампфа (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 190, конец последнего абзаца).

⁸ В автографе Ризенкампфа ошибочно: «немало интересовался стихами влюбленного А. Сушкова», в изложении Миллера: «П. Сушкова» (см. также примеч. к с. 129).

Представляется, что изложенные выше наблюдения вполне обосновывают необходимость полной публикации воспоминаний А. Е. Ризенкампфа по автографу, который хранится в Отделе рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Ф. 81. Оп. 1. Д. 11). Выражаю за предоставление электронной копии автографа сердечную благодарность Павлу Евгеньевичу Фокину, заведующему Музеем-квартирой Ф. М. Достоевского в Москве, без товарищеской помощи которого эта публикация была бы невозможна.

Отмечу, что публикуемые «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» имеют в рукописи подзаголовок «Первая Тетрадь», а к автографу мемуаров в той же единице хранения приложено сопроводительное письмо А. Е. Ризенкампфа к О. Ф. Миллеру, датированное 9 декабря 1881 г., в котором он пишет биографу писателя: «Надеясь на милостивое снисхождение Ваше к разным недостаткам, встречающимся в моих сведениях, обещаюсь, если первая моя тетрадь удостоится Вашего одобрения, выслать Вам в возможной скорости и вторую тетрадь моих воспоминаний». К сожалению, ответное письмо О. Ф. Миллера неизвестно. Неизвестно также, было ли написано Ризенкампфом продолжение его мемуаров и если было, то какова их судьба и где они находятся.

В письме к О. Ф. Миллеру Ризенкампф, принадлежавший к дворянскому роду балтийских немцев, пишет, что считает себя «недостаточно твердым в русской словесности», поскольку «до сих пор, кроме ученых медицинских и ботанических сочинений, других на русском языке еще не печатал». Действительно, в некоторых местах воспоминаний русский язык мемуариста явно «хромает» (в частности, в отношении видовых форм глагола и в некоторых иных случаях). Возможно, и по этой причине многие места мемуаров Ризенкампфа О. Ф. Миллер давал в пересказе. В настоящей публикации, за двумя-тремя исключениями особенно грубых ошибок, язык воспоминаний сохранен без изменений.

И в завершение несколько слов о примечаниях к публикации. Наряду с указанными существует еще одна перепечатка воспоминаний А. Е. Ризенкампфа, извлеченных (также с некоторыми сокращениями) как из *Биографии*, так и из *Лит. наследства*, которая включена в раздел «Дополнения» издания романа Достоевского «Бедные люди», подготовленного в академической серии «Литературные памятники» К. А. Барштом (далее — *Лит. памятники*). Особенностью этой публикации являются исключительно обстоятельные и обшир-

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

ные примечания к мемуарам Ризенкампфа.⁹ В совокупности они насчитывают более ста комментируемых позиций, занимая в книге более шестнадцати страниц.¹⁰ Повторять проделанную К. А. Барштом работу в настоящей публикации нет необходимости. Поэтому далее комментируются прежде всего те части полного текста воспоминаний А. Е. Ризенкампфа, которые не были ранее опубликованы или при перепечатках из *Биографии* и *Лит. наследства* подверглись сокращениям. Однако в тех случаях, когда комментарий, приведенный в издании *Лит. памятников*, представляется неполным или неточным, комментируются также фрагменты, уже бывшие ранее в печати. В нескольких случаях примечания в настоящей публикации снабжены отсылками к комментариям К. А. Баршта.

Приступая к изложению моих воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском, я поневоле должен начать со старшего его брата, Михаила Михайловича, не только потому, что первоначальное мое знакомство было заключено с сим последним, но и потому, что влияние старшего брата на Федора Михайловича было огромное и жизнь их почти постоянно находилась в тесной связи, скрепившейся <л. 1> их неизменной дружбой и братскою любовью. Замечательно, что оба брата отличались в значительной степени друг от друга сложением, характером и типом физиономии. Михаил Михайлович на шестнадцатом году был таков же, каковым он остался во всю жизнь: невысокого роста, худощав, с несколько впалою грудью, лицо его было очень красивое, умное, продолговатое, слегка смуглое, осененное длинными каштановыми волосами; несмотря на постоянную бледность, цвет его был здоровый; глаза темно-голубые, открытые, весьма выразительные, часто оживленные, почти огненные; нос продолговатый, слегка сгорбленный; губы тонкие, подвижные, нередко сжимавшиеся в виде насмешки. Разговор его был при первой встрече, особенно в кругу незнакомых людей, сдержанный, осторожный; затем, коль скоро удалось возбудить его сочувствие или затронуть живую нитку

---

⁹ В публикации *Лит. наследства* реальные комментарии к воспоминаниям Ризенкампфа отсутствуют; в сборниках «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» (М., 1964. Т. 1. С. 395–396; М., 1990. Т. 1. С. 552–553) они минимальны.

¹⁰ См.: Достоевский Ф. М. Бедные люди / Издание подготовил К. А. Баршт. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 681–687 (сер. «Лит. памятники»).

по которому-нибудь из любимых предметов, н^апр^{имер}, литературе, музыке, он делался более <л. 1 об.> сообщительным и наконец вдохновлялся; в декламации не было ему подобных. Федор Михайлович, напротив, был в молодости довольно кругленький, полненький, светлый блондин, с лицом округленным и слегка вздернутым носом. Ростом он был не выше брата; светло-каштановые волосы были большею частию коротко острижены; под высоким лбом и редкими бровями скрывались небольшие, довольно глубоко лежащие серые глаза; щеки были бледные, с веснушками; цвет лица болезненный, землистый; губы толстоватые. Он был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата, который при совместном жительстве нередко его удерживал от неосторожных поступков, слов и вредных знакомств; он любил поэзию страстно, но писал только прозою, потому что на обработку рифмы не хватало у него терпения; хватаясь за какой-нибудь предмет, постепенно им одушевляясь, он, казалось, весь кипел; мысли в его голове рождались подобно брызгам в водовороте; в это время он доходил до какого-то исступления; природная прекрасная его декламация выходила из границ <л. 2> артистического самообладания; сиплый от природы голос его делался крикливым, пена собиралась у рта, он жестикулировал, кричал, плевал около себя. Притом ему вредили испорченные от постоянной привычки к курению трубки зубы. Михаила Михайловича я никогда не видел сердитым; в минуту неудовольствия он разве пустит, бывало, какую-нибудь тонкую, нередко едкую насмешку; это был человек общества, не увлекавшийся, большею частию ласковый, хотя часто и холодный, обходительный, вследствие природной доброты всегда склонный к оптимизму; Федор Михайлович был не менее добр, обходителен, но, будучи не в духе, он часто смотрел на всё сквозь черные очки, разгорячаясь, он забывал приличие и увлекался иногда до браны и самозабвения. Вследствие такой разности характеров пути обоих братьев по необходимости должны были разойтись; в то время когда Михаил М^{ихайлович} достиг в Петербурге почти независимого положения при самой завидной обстановке в кругу многочисленного семейства (это было в начале пятидесятых годов), <л. 2 об.> младшему брату, одолеваемому одноочеством, приходилось томиться в сибирской каторге. Женитьба и другие обстоятельства жизни оказывали свое влияние: Михаил М^{ихайлович} женился на 21-м году на особе, вполне его достойной и давшей блестящим его способностям благотворительное для общества и семейства направление; Федор М^{ихайлович}, пугаясь

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

в молодости всего более брачных уз, оставив службу, дал полную волю своей страстной натуре; в море, наполненном подводных камней, корабль его непременно бы разбился, если бы каторга его не отрезвила, а в последовавшие за каторгой четыре года не вполне удачная женитьба на сибирячке окончательно его охладила. В последнюю половину жизни Федора М~~ихайловича~~ пребывание в лучшем обществе и за границею, также вторичный, более счастливый брак имели свою долю для вырабатывания из него совершенно другого человека, принесшего не только огромную пользу, но и славу своему отечеству. <л. 3>

Это было в июле месяце 1837-го года. Испытав неудачу в Петербурге при поступлении в педагогический институт, где врач института, доктор Кребель, признал меня чахоточным, я экзаменовался кондуктором в ревельскую инженерную команду. Начальником ее был тогда покойный мой родственник, инженер-полковник Зейдлиц (впоследствии генерал-майор и начальник оренбургского инженерного округа, скончавшийся в 1855-м году). В средних числах июля я был приглашен на обед к Зейдлици. Молодая, прелестная жена его, страстная любительница литературы, знавшая о первоначальных моих опытах, из которых некоторые незадолго перед тем появились в печати в издаваемом Л. Т. Эльснером «Магазине для немецких читателей в России», желала познакомить меня с семнадцатилетним поэтом Михаилом Михайловичем Достоевским. Михаил М~~ихайлович~~ испытал подобную же моей участь в <л. 3 об.> Петербурге при поступлении в Главное инженерное училище: врачом этого училища, доктором Волькенау, он был признан чахоточным и в приеме ему было отказано. Теперь нам пришлось вместе экзаменоваться. Экзаменатором нашим был инженер-подполковник Шарон (умерший впоследствии генерал-майором в Керчи), о любезности и доброте которого мы навсегда сохранили самое приятное воспоминание. Из материалов к биографии Федора Мих. Достоевского, помещенных в «Русской старине» 1881 года, в апрельской и майской книжках, соч. А. П. Милюкова, видно, что оба брата, воспитывавшись в Москве в пансионе Чермака, отцом их, служившим врачом при Московской Мариинской больнице для бедных в Сущеве, в мае месяце 1837 года привезены были в Петербург. Мать свою, обожаемую обоими братьями и вселившую им, кажется, более всех страсть к поэзии и литературе, они потеряли 27-го февраля того же года. Грусть о потере незабвен~~л. 4~~ной матери запечатлелась глубоко в сердце обоих братьев, так что во всю жизнь они не могли без слез вспоминать о ней. По окончании обеда

у полковника Зейдлица Михаил Михайлович, пригласив меня в занимаемую им кондукторскую комнату, сообщил мне многие из своих юношеских стихотворений и между прочими «Видение матери».

Уж было заполночь. На тверди голубой
Луна стыдливая средь хора звезд купалась,
И в пене облачка, бежавшего струей,
Она задумчиво, беспечно полоскалась.
А небо синее в бездонных высотах,
В нее влюбленное, вздыхая в утомлены,
То закрывалося в серебряных венках,
То вновь являлося в лукавом отдалены.
И ясный свет луны смутился на лугах,
И тканью белою, скользящею ложился:
Казалось, островов златых архипелаг
На море зелени причудливо носился.
Какой-то грустию подернулся даль,
Чуть-чуть рисуяся в серебряном тумане,
Вблизи ж нагих лугов стемневшая эмаль
Очам являлася в пленительном обмане. <л. 4 об.>
И я задумчиво очами обнимал
Окрест так сладостно дремавшую природу,
Покуда сон меня крылами не обнял
И я уснул, — уснул, как не спалось мне сроду.
И видел я во сне: в бездонных высотах,
Казалось, будто бы всё небо всколыхалось,
Разверзлося на миг — и в розовых лучах
Ко мне видение на облачке спускалось.
А в небе слышались еще аккорды лир
И гасли в воздухе, сюда не долетая,
И он безмолвствовал, воспетый в небе мир,
И он безмолвствовал, как будто умирая.
И всё вокруг меня со святостью немой,
С каким-то трепетом чего-то ожидало,
И мне всё чудилось, что музыкой одной
Всё царство сфер свое теченье совершало.
Но ближе облачко прозрачное к земле,
Чуть колыхаясь, торжественно подходит.
И на темнеющей ночной туманной мгле
Узоры светлые причудливо выводит.
Ни звука в воздухе. Лишь только вдалеке
Туманно-белое является виденье;
И чу! мне слышится в небесной вышине

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

За ним Архангелов торжественное пенье. <л. 5>
Встаю, гляжу, и что ж? То матери моей,
Умершей с год тому, бесплотное явленье!
Гряди, гряди ко мне, подруга юных дней,
Гряди, о лучший друг, мне дать благословенье!
О! если бы я мог, о если бы я смел
Тебя хоть раз обнять, как прежде то бывало!
Но нет, мой друг! зачем? теперь иной предел;
Иную жизнь тебе блаженство даровало.
О, тень мне милая! А сколько было слез,
Когда я, горестный, с тобою расставался,
Когда я в Божий храм твой гроб отверстый нес
И там в последний раз с тобой, мой друг, прощался!
Когда в могильный ров я бросил горсть земли,
Когда пропели вдруг: «Покойся со святыми!»
И, в землю поклонясь, домой все побрели,
Толкуя кой о чем с домашними своими.
Но нет! зачем, мой друг, слезами отравлять
Часы свидания желанного с тобою!
Ты вновь, ты вновь со мной! Чего ж еще желать?
Ведь ты останешься теперь всегда со мною.
Скажи мне, милая, когда на небесах
Одною жизнию с тобою жить я буду?
Когда я, к Господу на ангельских крылах
Взлетев, все горести земные позабуду? <л. 5 об.>
Мне грустно на земле! Мне тяжко на земле,
И часто я грущу, и часто я здесь плачу!
Мое грядущее сокрылось в черной мгле,
А настоящее ловлю я наудачу!
Порой задумчиво смотрю на небеса,
Где звезды пущены десницею Владыки,
Где солнце светится, где вечная краса,
Где слышны Ангелов торжественные клики.
Смотрю и думаю: мне всё здесь говорит,
Что, лишний гость земли, я должен здесь томиться,
Я должен видеть здесь, что всё меня бежит,
Как даже самая судьба меня дичится.
Скажи, мой друг, скажи: что ждет нас в небесах
На лоне Божием, в садах роскошных рая,
И скоро ль к Господу на ангельских крылах
Взлетит душа моя, о горе забывая?
Но гостья светлая таинственно молчит,
И ясный лик ее, на небо обращенный,

Лучами лунными, казалось, был налит,
А взор покоился на тверди полуденной.
Всё та ж небесная улыбка на устах,
Всё тот же светлый взгляд, всё тот же, как прежде,
Но слез уж не было в приветливых очах,
Укоров не было обманчивой надежде.
Прозрачный лик ее был к звездам устремлен
И их алмазными лучами озарялся. ....
..... <л. 6>

Последние, заключительные строфы этого стихотворения, к сожалению, у меня затерялись. Михаил Михайлович все свои опыты сообщал молодому поэту и бывшему своему товарищу по пансиону г. Чермака Шидловскому, состоявшему и с Федором М~~ихайловичем~~ в постоянной переписке. Шидловский жил в то время у своих родителей в Воронежской губернии. Если у наследников Михаила М~~ихайловича~~ окончания его стихов не отыщется, то, может быть, они найдутся в бумагах, оставшихся по смерти Шидловского.

Что касается стихотворений Шидловского, то некоторые из них были мне сообщены Михаилом, а другие Федором Михайловичем, собственно с целью перевода на немецкий язык. Прекрасное стихотворение:

«О дар поэзии, ты казнь, не наслажденье,
С тобой постыл нам свет, ужасен жизни путь» и пр. —

было мною переложено. Другие, из которых видно, что Шидловский обладал необыкновенным талантом, но напрасно в ранние лета взялся за решение глубоких религиозных и философских вопросов, остались без перевода. Шидловский, несмотря на убеждения своих друзей, упорно отказывался от печатания своих произведений. Печальная судьба его, сообщенная нам одним из биографов <л. 6 об.> Федора Михайловича, без сомнения, зависела от странностей и особенной эксцентричности его характера.*

---

* Гейне говорит: «На пути гениального человека везде — Голгофа». И действительно, сколько гениальных и талантливых людей страдало и погибло у нас в цвете лет. Укажу для примера, между прочим, на бывшего учителя словесности в Иркутской гимназии Лаговского. Этот гениальный поэт, оставшийся почти неизвестным, с которым я познакомился в Иркутске в 1845 году, вскоре после выпуска его из Главного педагогического института, оставил мне множество

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Из юношеских произведений Михаила М~~ихайловича~~ Достоевского хранится у меня до тридцати, большею частию объемистых и разнообразных по содержанию. Чтобы не слишком растянуть объем моей статьи, сообщу здесь только <л. 7> некоторые из небольших его стихотворений:

Не плачь о том, что все твои надежды
Погасли вдруг, как звезды пред зарей!
Слетают сны; мы открываем вежды
И видим солнце правды над собой.
Зачем нам день мечтаньями и снами
В ночь темную лукаво превращать?
Она прошла; день светлый перед нами;
Ведь снам у нас не век же вековать.
Так пусть же свет со тьмою нас разлучит,
Пусть царствует над нами вечный день!
Пускай наш взор ко блеску он приучит,
Как к призракам нас приучила тень!
Покуда дух наш тело отягчает,
До тех пор взор наш света не снесет;
Одна лишь смерть к нему нас приучает,
А без нее нам тяжек этот гнет.
Она, сомкнув для жизни наши вежды,
Их разомкнет для жизни ж, но другой;
Там встретят нас пропавшие надежды,
Там, где живут бесстрастье и покой. <л. 7 об.>

своих стихотворений, свидетельствующих о необыкновенном даровании. При каждом случае он изливал свои чувства и мысли звучными, прелестными стихами, наполненными поэтических образов. Едкая его сатира не щадила никого. Между тем он не только товарищами своими, но и коноводами иркутского общества признан был сначала дикарем, нелюдимом, меланхоликом, а наконец, даже сумасшедшим. Дошло до того, что по распоряжению генерал-губернатора он подвергся освидетельствованию Иркутской врачебной управы, которая дала удостоверение в ненормальности его умственных способностей. В 1848-м году он был уволен от службы. Вскоре он достиг до той степени бедности, что нашелся вынужденным отправиться <л. 7> пешком из Иркутска в Петербург, где явился к министру графу Уварову. По вторичном освидетельствовании в Петербурге он был признан совершенно здоровым и определен учителем в первую с.-петербургскую гимназию. В то время он напечатал в «Отечественных записках» свою «Галерею современных писателей». Но тяжелые страдания потрясли глубоко его здоровье, и, не окончив своего сочинения, он скончался 1850-го года на 26-м году от рождения. <л. 7 об.> (Примеч. А.Е.Ризенкампфа).

Занимаясь в Ревеле преимущественно изучением германских классиков, Михаил М^{ихайлович} переводил их. Помещу здесь небольшое подражание Гердеру:

Однажды сидела Забота
Задумчиво возле ручья
И что-то в раздумье лепила
Из глины kleistoy в руках.
«Что делаешь здесь ты, Богиня?» —
Спросил, подходя к ней, Зевес.
«Из глины лепила я образ;
Прошу тебя, вдунь в него жизнь!»
«Изволь, пусть живет он, но это
Создание будет мое!»
Ему отвечает Забота:
«Нет, мне его, мне его дай!
Ведь я этой глине дал образ!»^{*}
«А я этой форме дал жизнь!» —
Так спорили оба. И вот к ним
Приблизилась также Земля.
«Мое оно! Ты у меня ведь
Из чрева дитя взяла!»
«Пускай ж, — отвечает Юпитер, —
Пускай нас рассудит Сатурн».
И вот как Сатурн рассудил их:
— Владейте же трое вы им:
Ты жизнь ему дал, о Юпитер,
Владей же душою его! <л. 8>
Земля, ты возьмешь его тело:
Одно оно только твое;
А ты, его мать, о Забота,
Владей им при жизни его!
Наполни часы его жизни,
До тех пор пока не умрет.
Пусть будет, подобно тебе, он
Брести до могилы своей! —
Исполнена воля Сатурна,
И этот дитя — человек.
Он в жизни весь отдан Заботе,
По смерти же Небу с Землей.

---

* Так в автографе (*Ред.*)

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

В «Дневнике писателя» за 1876 год, в январском выпуске, глава III, на стр. 22, мы читаем, что в мае месяце 1837-го года 15-тилетний Федор Михайлович и старший брат его Михаил ехали с отцом своим в Петербург, определяясь в Главное инженерное училище. Оба брата стремились тогда в новую жизнь, мечтали обо всем «прекрасном и высоком», верили чему-то страстно, мечтали только о поэзии и о поэтах. Михаил Михайлович писал стихи, каждый день стихотворения по три, а Федор Михайлович в уме сочинял роман из венецианской жизни. Отец их, — как мне впоследствии передано было, — сильно надеялся на протекцию своего родственника, <л. 8 об.> генерал-лейтенанта Кривопишина, занимавшего влиятельную должность в Инспекторском департаменте. Но медицинское свидетельство главного доктора Инженерного училища г-на Волькенау, признавшего совершенно здорового старшего брата — чахоточным, а болезненного младшего брата — здоровым, расстроило замыслы отца; Михаил Михайлович не был принят, и ему пришлось в июле месяце того же года отправиться в Ревель для поступления кондуктором в тамошнюю Инженерную команду. Эта насильственная разлука обоих братьев, из которых особенно младший, Федор Михайлович, необходимо нуждался в ближайшем руководителе, имела огромное влияние на судьбу обоих. К несчастию, и отец вскоре скончался, и распорядителем оставшегося имения сделался родственник их, московский фабрикант Куманин. Этот богатый самодур высыпал им не сколько нужно было, — одному для проживания в Ревеле, а другому для своих мелких расходов в Инженерном училище, — но совершенно произвольно, то мелкими, то крупными суммами, от 25-ти до 500 рублей ассигнациями. По выходе в офицерский чин каждый из братьев должен был получить по 4000 руб. асс. в год, что при тогдашней дешевизне, конечно, было бы слишком для них достаточно. <л. 9> Но превратности судьбы и капризы дяди и опекуна Куманина решили иначе.

В июле месяце, после производства кондукторов Мусселиуса (служившего впоследствии в Омске и покровительствовавшего там по возможности Федору Михайловичу во время его ссылки) и Ритчера в первый офицерский чин, Михаилу Михайловичу и мне предоставлено было занять обе кондукторские вакансии при ревельской Инженерной команде. Михаил Михайлович был годом старше меня (он родился в 1820 году). Я уже сказал, что он тогда занимал один обширную кондукторскую комнату в третьем этаже ревельского Инженерного дома на Новой улице (Neugasse). Служебные занятия

предоставляли ему довольно свободного времени, чтобы предаться поэзии, и все его стихотворения, написанные чисто и четко (красивым почерком, чрезвычайно сходным с почерком Федора Михайловича) на гладко и стройно обрезанных осьмушечках, лежали открыто на рабочем столе молодого поэта. Он тогда верил глубоко в свое поэтическое призвание и нередко повторял переведенные им стихи Гете:

Не знаю, чем бы я был, не имей я поэзии дара,
Но с ужасом вспомню о том, что тысячи суть без него. <л. 9 об.>

Не мерещилось ему тогда, что через 15 лет ему придется поместить над одним из окон своего магазина у Банковского моста в Петербурге другие стихи:

Сей магазин открыт писателем одним,
Который, видя, что его творенья плоски,
А слава лишь мечта и дым,
Пустился делать папироски.

В ревельской книготорговле г. Эggerса Михаил М<ихайлович> получал все выходившие в то время русские журналы и газеты. С восторгом он декламировал стихи Пушкина и Жуковского. Ежедневно мы прогуливались по тенистым аллеям в парке Екатеринентала, около водопада на Лаксберге, по берегу моря в Цигельскоппеле, Фишермайене, Тишерте, Штрандгофе и других живописных окрестностях Ревеля. После смерти Пушкина тогдашние журналы наполнялись большую частью произведениями второстепенных поэтов: Бенедиктова, Тимофеева, Бернета, Грекова, барона Розена, Кукольника, кн. Крапоткина и пр. Понятно, что Михаил М<ихайлович> более и более углубился в чтение германских классиков. Я обратил внимание на недостаток в русской литературе хороших гекзаметров и стихов с размером клопштокских од. Это побудило его взяться за перевод <л. 10> «Германа и Доротеи» и «Рейнеке Лиса» Гете. Что касается стихотворений с размером клопштокских од, то их было написано множество. Из них памятно мне одно, сочиненное уже в позднейшем периоде, в 1841-м году, когда Мих. Мих. уже был женихом:

Ты не услышишь меня. Моя грустная песня
Слез не попросит у глаз твоих, милых и кротких.
Ах, потому и люблю я петь грустные песни,
Что ты их не слышишь.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Что мои слезы, которых мне каждый, ах! каждый
Звук, отрываясь от сердца, как детище, стонит,
Не оторвут от груди твоей робкой покоя,
Который мне дорог.
Девушка, ты обольстительна. Ежели в жизни
Бог заповедал тебе промелькнуть сновиденьем
Легким, невинным, — но только не ведай, не ведай
Любви нашей грустной.
Не узнавай ее, чтоб твой певучий бег тихой,
Мирной походки несносного вида не принял,
Чтобы уста твои не разучились смеяться,
Смеяться как прежде.

.....

Были и драматические опыты, за которые взялся Михаил Михайлович. Так, комедия «Брат и сестра» была им задумана еще в 1837 году. В 1838-м и 1839-м годах он <л. 10 об.> начал перевод «Дона Карлоса» Шиллера. В то самое время Федор Михайлович (т. е. в 1839-м году) читал всё, касавшееся жизни и казни Марии Стюарт, намереваясь написать трагедию на этот сюжет, но не перевод или подражание шиллеровской трагедии, но совершенно оригинальную, согласную с историческими данными.

Часы, проведенные в июле, августе и сентябре месяцах 1837-го года в обществе Михаила М~~ихайловича~~ Достоевского, останутся навсегда одним из приятнейших воспоминаний моей жизни. К сожалению, им суждено было скоро прекратиться. Михаил М~~ихайлович~~ был уже в июле месяце утвержден кондуктором, но мое представление было отправлено только в августе месяце в Ригу. По утверждении здесь генералом Фрейманом оно должно было идти в Петербург для утверждения тогдашним начальником инженеров, генералом Герру, но здесь оно наткнулось на неожиданные препятствия. В конце августа прибыл из крепости Измаила переведенный по распоряжению начальства в Ревельскую команду кондуктор по фамилии (если не ошибаюсь) Измаильский и поместился с Михаилом М~~ихайловичем~~ в одной комнате. Таким образом, комплект кондукторов при Ревельской крепости <л. 11> оказался полным и предназначенная мне вакансия занятаю. Измаильский был перекрещенец из магометан, человек чисто монгольского типа, с довольно тупыми способностями, но с тихим, миролюбивым характером. Михаил М~~ихайлович~~ с самого начала имел к нему антипатию, которая выражалась свойственными ему часто едкими насмешками; хотя Измаильский эти насмешки

и оставлял без ответа, но все-таки оне были причиною, что он вскоре просил о переводе и через несколько месяцев был перемещен в другую крепость. Между тем к сентябрю 1837-го года состоялся высочайший приказ, которым принятие вновь поступающих кондукторов при инженерных командах в крепостях вовсе было приостановлено. И так представление мое было возвращено из Петербурга с отказом. В октябре я отправился в Петербург с целью поступления в императорскую Медико-Хирургическую академию, и Михаил Михайлович, провожая меня до парохода, дал мне письмо к младшему брату, с просьбой немедленно по прибытии в Петербург познакомиться с Федором Михайловичем.

Позволю себе сделать здесь малое отступление. В по^{л. 11 об.} следнее время появилось несколько сочинений, рисующих наглядно тогдашнее состояние разных учебных заведений в России; так мы в автобиографии академика Бера встречаем подробное и правдивое описание ревельской Вышгородской дворянской школы (Domschule); дай Бог, чтобы это прекрасное заведение, основанное и содержимое иждивением эстляндского дворянства, в котором и я получил первоначальное свое воспитание под руководством таких достойнейших директоров, каковые были отец и сын Верманы (о которых пишет и академик Бер с восторгом), а за ними доктор Плате, и таких наставников, как Ирмер, Геднер, Рейн, сохранило всегда свою прежнюю славу. В «Русской старине» нынешнего года мы находим такое же описание основанного незадолго перед тем принцем Петром Ольденбургским Императорского училища правоведения, д^{ействительного} ст^{атского} с^{оветника} Стасова. О превосходном состоянии Главного инженерного училища свидетельствуют имена многих современных знаменитостей, вышедших из него в конце тридцатых или в начале сороковых годов, н^апр^{имер} братьев фон Кауфманов, графа Тотлебена, Радецкого, ^{л. 12} Григоровича и многих других. Слова нет, что в заведении, где воспитывались только дети русских дворян, не могло быть и речи о каких-нибудь важных беспорядках; тем не менее незадолго перед вступлением Федора Михайловича случился небольшой эпизод, подавший повод к увеличению строгости в Инженерном училище.

Расскажу об этом эпизоде в том виде, как мне о нем передано было.

Воспитанники Инженерного училища, подобно как и кадеты в корпусах, выпускались в город только по воскресным и праздничным

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

дням от 11-го часа утра до 7-ми часов пополудни. Воспитанник Т., возвращавшийся от своих родственников в 7-м часу вечера и спешивший к сроку в училище, случайно, проходя мимо гауптвахты на Сенной площади, встретился с Главным начальником военно-учебных заведений Великим князем Михаилом Павловичем. Будучи погружен в раздумье, он не сделал Его Высочеству чести. Михаил Павлович остановил воспитанника с вопросом: «Как твоя фамилия? отчего ты не сделал мне чести?» — «Ваше превосходительство! — отвечал испуганный Т., — если перед всеми генералами, встречающимися на пути до <л. 12 об.> училища, останавливаться, то я не поспею домой к сроку!» — «А! так ты не знаешь своего Главного начальника! ступай на гауптвахту!» — ответил Его Высочество и указал воспитаннику на гауптвахту, перед которой стоял еще взвод, вышедший для отдачи чести.

Т. по отъезде Его Высочества озирался кругом и, видя, что никто за ним не наблюдает, отправился преспокойно домой. На другой день было послано на гауптвахту, чтобы узнать о провинившемся, но никакого воспитанника Инженерного училища там не оказалось. Великий князь перед обедом отправился сам в училище и, собрав воспитанников, потребовал, чтобы виновный явился. Но никто не сказался виновным. Вызвав всех воспитанников по списку и не узнав виновника, Великий князь строжайше приказал директору отыскать его во что бы то ни стало и до открытия никого из училища не выпускать. Прошел целый год, и все-таки виновник не был отыскан. Наконец, видя, что все меры остались бесполезными, Великий <л. 13> князь обещал виновнику совершенное прощение, давши слово, что его поступок не будет иметь никакого влияния на будущую его судьбу. Тогда сознался Т. При выпуске его из училища Его высочество только вспомнил: «А, Т., это тот плут, который меня раз надул!» Впрочем, это не помешало Т. дослужиться впоследствии до высоких почестей.

В ноябре месяце 1837 года я посетил в первый раз Федора Михайловича в Инженерном училище. Здесь, в приемном покое, находившемся на южном фасаде Инженерного замка, мы провели несколько незабвенных часов. Он продекламировал мне со свойственным ему увлечением стихи из Пушкина («Египетские ночи») и Жуковского («Смальгольмский барон» и пр.), рассказывал о своих собственных литературных опытах и жалел только, что заведенная в училище строгость не позволяла ему отлучиться. Но мне это не мешало быть у него по воскресеньям перед обедом; кроме того, по пятницам мы

встречались в гимнастическом заведении шведа Дерона*, помещавшемся в одном из павильонов Инженерного замка. Здесь этот безукоризненный, добрый и во многих отношениях замечательный наставник кроме вос<л. 13 об.>питанников Инженерного училища допускал и некоторых студентов Медико-Хирургической академии и излагал нам правила врачебной гимнастики. Ныне заведение находится под руководством профессора Берглинда и пользуется вполне заслуженою славою.

В июле месяце 1838-го года в Мед. академии совершился переворот, вследствие которого бывший президент ее барон Я.В.Вилье заменен был доктором И.Б.Шлегелем, а попечителем ее назначен граф П.А.Клейнмихель. Во многих отношениях этот переворот отозвался благодетельно для академии, с одной стороны, тем, что многие профессорские кафедры были заняты известными европейскими учеными, в числе которых были Пирогов, Бер, Эйхвальд и пр., с другой — в ней были заведены военные порядки и разные строгости. Свидания мои с Федором Михайловичем в конце 1838 и в начале 1839 года сделались довольно редкими. Но, к счастию, новый президент Шлегель по высокому своему просвещению и сердечной доброте был настоящим отцом для студентов; он был страстный любитель музыки; с целью распространения ее он дал в мое распоряжение <л. 14> отдельную комнату (24-й номер), в которой помещался рояль. Во время летних вакаций 1839-го года Федор Михайлович нередко приезжал ко мне, и мы здесь восхищались вместе не только новостями литературы, но и музыки. Немало было любителей, присоединившихся к нашему времяпровождению. В числе их упомяну о незабвенном товарище, Станиславе Осиповиче Сталевском, искренно подружившемся с Федором Михайловичем.

В декабре 1840-го года приехал в Петербург Михаил Михайлович держать экзамен на чин прапорщика полевых инженеров. Он был прикомандирован кондуктором к канцелярии Петербургской крепости. Квартира его была на Васильевском острове (кажется, по 9-ой линии) у вдовы Изуматовой, сын которой также служил кондуктором. Здесь мы встречались часто с Федором Михайловичем. При редких способностях М<ихаила> Михайловича ему нетрудно было выдержать экзамен, и в январе 1841-го года мы его уже поздравили офицером.

---

* В рукописи было: «Пирона»; исправлено позднее неизвестной рукой, предположительно О.Ф.Миллера (Ред.).

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

В то время он нам читал отрывки своих переводов шиллеровского «Дон Карлоса» и «Германа и Доротеи» Гете. Много было <л. 14 об.> у него новых лирических стихотворений, свидетельствовавших о возрастиании его таланта. Из них запечатлелись в моей памяти последние строфы одного:

Поэт! один лишь ты родишься без наследства
И без защитников свершаешь жизни путь!
Приемыш мира ты; мир холит твоё детство,
Чтоб после от груди тебя же оттолкнуть;
Чтоб омрачить твой дух холодностью, презреньем,
Чтоб ты весь век стонал под ношей адских мук.
Мир смотрит на тебя с улыбкой, с восхищеньем, —
Затем, что стон твой — песнь, а плач твой — райский звук.

Я сам, утвердившись в то время в русском языке, посвятил Мих~~<айлу>~~ Михайловичу небольшое стихотворение (подражание Гете), которое решаюсь здесь привести:

Сыпьте розы на пути
И забудьте горе;
Скоро канут наши дни
Здесь в житейском море;
Нынче милое дитя
Весело играет;
Завтра мать сыра земля
Гроб его скрывает.
Вот прелестная идет
К алтарю невеста; <л. 15>
Только солнышко зайдет,
И в гробу ей место.
Киньте ж грустные мечты,
Прочь печаль и горе,
Пейте, пойте, коль живы,
Живо на просторе.
В сердце пусть живет у вас
Милость, состраданье;
Может быть, что каждый час
Ждет нас расставанье.
Бог весть, как, когда и где
Будет нам свиданье!
Пусть же свяжет на земле
Нас одно призванье:

Ближних как себя любить,
Зло чтоб ненавидеть;
Для добра, для пользы жить,
Слабых не обидеть;
Быть защитой им от зла
И от оскорблений,
И нажить нам до конца
Дань благодарений.

Последние стихи особенно понравились Федору Михайловичу. Действительно, если еще в пансионе Чермака, как сообщает один из его товарищей, он не мог равнодушно видеть, когда прибывающие, незнакомые с порядками пансиона, подвергались насмешкам или обидам от старших учеников, <л. 15 об.> то тем более эта благородная черта у него развивалась, врезывалась и вкоренялась с летами. Он был постоянно защитником слабых, заступником невинно оскорблеваемых, врагом всякой несправедливости и в борьбе за правду всегда готов был жертвовать собою. Нисколько не скрывая предо мной находимых им в вышеприведенных и многих других моих стихах недостатков, он от всей души сочувствовал выраженным в них мыслям, тем более что оне были, так сказать, отголосками его собственных сердечных звуков, его чувств, правил и убеждений. На этом-то и основывалась наша искренняя дружба, так точно, как и влечеие, и привязанность его к другим равномыслящим личностям, как-то к Шидловскому, Григоровичу, Сталевскому и пр.

Мих~~айл~~ Михайлович по окончании своего экзамена остался в Петербурге до 16-го февраля 1841-го года. Достигнув совершеннолетия и быв назначен на службу в Ревельскую инженерную команду, он имел только одну цель: жениться. Невеста его была Эмилия Федоровна Дитмар, девица, обладавшая всеми женскими достоинствами, но не приходившаяся по вкусу московскому опекуну Куманину по трем причинам. Куманин требовал категорически, чтобы Мих~~айл~~ <л. 16> Михайлович женился 1) на русской (т. е. православной), 2) на дворянке и 3) на богатой. Всех этих качеств не было у возлюбленной Мих~~айла~~ Михайловича; и так ему пришлось жениться без согласия и против воли Куманина, который за то и прекратил ему все дальнейшие вспомоществования. Пришлось после женитьбы жить на скромное содержание инженерного прaporщика.

16 февраля Мих~~айл~~ Михайлович, покончив с прощальными визитами, собрал немногочисленных своих знакомых и друзей на прощальный вечер. Здесь был и Федор Михайлович, который в первый

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

раз нам читал отрывки из двух драматических своих опытов: «Марии Стюарт» и «Бориса Годунова». Мих~~аил~~ Михайлович читал нам довольно пространное стихотворение «Беседа двух Ангелов» и некоторые другие. После дружного ужина мы расстались. Рано утром 17-го числа Мих. Мих. уехал в Ревель.

После отъезда Мих~~аила~~ Михайловича мы в продолжение 1841-го года с Федором Михайловичем виделись довольно редко. Я знал, что он готовился к выходному экзамену из училища и потому усиленно занят был изучением требовавшихся при этом экзамене предметов. По окончании экзамена он был выпущен в числе лучших офицеров. Два года оставалось ему еще пробыть в офи~~л.~~ 16 об.^{л.} церских классах училища.

По выпуске из училища открылась для Федора Мих~~аилови~~ча новая жизнь; монастырское иго казарменной дисциплины было свергнуто; пред ним явилась блестящая перспектива петербургского калейдоскопа со своими приманками, иллюзиями, наслаждениями и горестями, очарованиями и разочарованиями, блеском и мраком, обещаниями и обманами. В это время Куманин, отказавшись совершенно от старшего брата, обратил всю свою нежность на второго: с 1-го августа 1841-го года он назначил Федору М~~ихайловичу~~ по 4000 руб. асс. в год. Вместе с жалованьем и прочими довольствиями 19-тилетний юноша получал слишком 5000 руб. асс. — по тогдашнему времени почти богатое содержание.

Но непрактичность Федора М~~ихайлови~~ча сказывалась на каждом шагу. Первое, чем он не умел распорядиться, — это было помещение и прислуга. Он нанял квартиру на углу Владимирской улицы и тогдашнего Чернышева переулка, в доме почт-директора Прянишникова, в третьем этаже. Квартира обходилась ему в 1200 руб. асс. в год и состояла, кроме передней, из довольно обширной залы с двумя — большим и малым — кабинетами и просторной кухнею. Я не мог не указать ему на непрактичность ~~л.~~ 17 этой квартиры, в которой он занимал только один кабинет, между тем как другой и зала оставались незанятыми; для примера я указывал на квартиру двух его товарищей по училищу, Р. и Д., занимавших насупротив его, в доме Фредерикса, за ту же цену пять комнат, в которых они помещались с семейством и двумя пенсионерами. Но Федор М~~ихайлови~~ч выказывал здесь своеобразный взгляд. Ему до той степени понравился хозяин дома, известный любитель искусств, притом мягкий, добродушный, обходительный аристократ, никогда не беспокоивший его насчет расплаты, что из-за него полюбилась Федору М~~ихайлови~~чу

дорогая и неудобная квартира и он в продолжении нескольких лет ни за что на свете не хотел расстаться с ней. Притом в этой обширной квартире не было другой мебели, кроме старого дивана, такого же рабочего стола и нескольких стульев. Казенный денщик его, Семен, толстый, здоровый детина, лет тридцати, гораздо более смахивавший на какого-нибудь французского *chef de cuisine*^{*}, чем на русского солдата, пользовался частым отсутствием своего барина, чтобы всту <л. 17 об.>пить в разные связи и сношения с прачкою, портным, сапожником, булочником, цирюльником, лавочниками и прочими личностями, касавшимися в чем-нибудь доверчивого Федора Майловича, с целью бессовестного обмана. Но благодушная физиономия Семена нравилась ему до той степени, что, несмотря на сотни открывшихся обманов, он несколько лет сряду не решился с ним расстаться. «Пусть себе ворует, — говорил он, — не разорюсь я от этого!»

Из разных петербургских удовольствий более всех привлекал его театр. Можно сказать, что в 1841 и 1842 годах в Петербурге все театры без исключения процветали. Что касается балета, то я сам в нем почти никогда не бывал, но Ф.М. всегда с восхищением говорил о впечатлении, которое на него производили танцовщицы Тальони, Шлефохт, Смирнова, Андреянова и танцовщик Иогансон. Преимущественно процветал тогда Александринский театр. Такие артисты, как Каратыгины, Брянский, Мартынов, Григорьевы, г-жи Асенкова, Дюр и пр. производили не<л. 18>имоверное впечатление, тем более на страстную, поэтическую натуру Федора Майловича. На французской сцене мы одинаково восторгались такими талантами, как супруги Алланы, Vernet и его сестра m-me Paul Ernest, Mondidier, Bressant (которого впоследствии заменил не менее даровитый Deschamps), Tétard, Dumenil, m-me Louisa Mayer, m-lle Mila, Malvina и пр. На немецком театре выдавались тогда двое: г. Кунст и г-жа Лилла Лёве. Впечатление, произведенное последнею актрисою на Федора Майловича в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решился разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, но самостоятельно и согласно с данными истории. В 1841-м и 1842-м годах это была одной из главных его задач, и то и дело он нам читал отрывки из своей трагедии «Мария Стюарт».

Второе место в числе петербургских удовольствий занимала музыка. В 1841-м году публика вос<л. 18 об.>хищалась концертами

---

* шеф-повара (*фр.*).

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

известного скрипача Оле-Буля. С 9-го апреля 1842-го года начались концерты гениального Листа и продолжались до конца мая. Несмотря на неслыханную до тех пор цену билетов (сначала по 25-ти, после по 20-ти руб. асс.), мы с Федором Михайловичем не пропускали почти ни одного концерта. Федор Михайлович нередко посмеивался над своими друзьями, носившими перчатки, шляпы, прическу, тросточки à la Liszt. После одного из концертов, в тесноте при выходе из залы, у него была оторвана кисточка от шпажного темляка, и с тех пор до самой отставки он ходил без этой кисточки, что, конечно, было замечено многими, но Ф.М. равнодушно отвечал на все замечания, что этот темляк без кисточки ему дорог, как память о концертах Листа.

Впрочем, собственно к музыке Федор Михайлович никогда не относился с тем восторгом, как старший брат его. Михаил Михайлович во всю жизнь был страстным любителем музыки. Он впоследствии не жалел никаких денег, чтобы дать своим детям возможно лучшее музыкальное образование. Старший сын его, Федор, сделался замечательным пианистом <л. 19> и находится теперь учителем музыки при Мариинской женской гимназии в Саратове.

Кроме этих удовольствий молодые люди находили еще развлечение на вечеринках в частных домах. Но Федор Михайлович имел мало знакомств и вообще чуждался их, чувствуя себя в семейных домах не в своей сфере. Оставались балы и маскерады в Дворянском собрании, в соединенном обществе, в немецком собрании. Наконец, для так называемой *jeunesse dorée** существовали еще танцклассы с шпицбалами: Марцынкевича, Бурé, мадам Кестениг, Рейхардта и пр., и в летнее время загородные гулянья. Понятно, что Федор Михайлович при своей страстной натуре, при своей жажде всё видеть, всё узнать, кидался без разбора в те и другие развлечения; но скорее всего он отказался от балов, маскерадов и пр., так как он вообще был довольно равнодушен к женскому полу и его приманкам. Непостижимы только были мне непомерные его расходы, несмотря на сравнительную умеренность в удовольствиях. <л. 19 об.>

В конце июля 1842-го года я отправился в Ревель. Михайла Михайловича я застал уже женатым (он женился в конце 1841-го года). Он жил в доме моего покойного родителя (бывшего командира ревельского гарнизонного батальона и полковника) скромно, но счастливо. Каково было мое удивление, когда он, наведываясь о житьё-бытье своего младшего брата, мне передал, что, по дошедшему до него

---

* золотой молодежи (*фр.*).

слухам, не только Федору Михайловичу не хватает положенного дяденькой Куманиным содержания, но даже он успел наделать некоторые долги и вообще в материальном положении — бедствует.

По возвращении моем в Петербург, в сентябре 1842-го года, я стал чаще навещать Федора Михайловича. Обстановка его была действительно незавидна. Из занимаемых им комнат в холодное время топился только один кабинет; остальные затем комнаты были холодны и без мебели. Он отказался почти вовсе от удовольствий и посвятил себя (конечно, вне служебных занятий, состоявших в утреннем посещении офицерских классов) исключительно литературе. Земл. 20 листый цвет лица, постоянный сухой кашель, ожесточавшийся по утрам, усиленная хриплость голоса, опухоли подчелюстных желез указывали на болезненное состояние, которое, однако, Федор Михайлович тщательно скрывал перед знакомыми и даже от части предо мной. С трудом удалось мне уговорить его принять кой-какие средства от кашля и немного умерить вошедшее у него в привычку беспрерывное курение жуковского табаку. Почти единственным из товарищей, навещавших его часто, остался Д.В.Григорович. Дружбу его с Дмитрием Васильевичем можно было считать доказательством истины пословицы «Les extrêmes se rencontrent»*. Молодой, ловкий, статный, светский, красивый и живой Григорович, сын богатого гусарского полковника и его жены, прелестной француженки-аристократки, постигшей вполне французское искусство *savoir vivre***, друг поручика Тотлебена, обнаруживавшего уже тогда задатки будущей своей военной гениальности, и артиста-поэта и музыканта-композитора Рамазанова, любимец и любитель прекрасного пола, вращавшийся постоянно в лучшем и образованном кругу Петербурга, привязался к Федору Михайловичу по врожденной ему страсти к литературе. Тогда он переводил из французского какой-то водевиль из китайского быта, в котором его затруднял только перел. 20 об.вод некоторых каламбуров, нпр*имер*: *oh, quelle bonté (quell bon thé)**** и пр. Водевиль этот впоследствии был разыгран с успехом на Александринском театре и составлял первое начало литературной карьеры Григоровича. В то же время Федор Михайлович, отказавшись от продолжения трагедии «Мария Стюарт», взялся за сочинение драмы «Борис Годунов»,

---

* «Крайности сходятся» (*фр*).

** уметь жить (*фр*).

*** ох, какая доброта (какой хороший чай) (*фр*.).

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

которая тоже не была окончена. Но преимущественно занимали его разные повести, рассказы, очерки; он был неистощим в создании разных планов к новым рассказам, так что, не окончив одного, взялся уже за другой. Любимым его русским писателем был Гоголь; из его «Мертвых душ» Ф~~едор~~ М~~ихайлови~~ч рецитировал целые страницы наизусть. Кроме того, он занялся французскою литературою, читал Ламартину, Виктора Гюго, Жоржа Занд, Фредерика Сулие, Эмиля Сувестра, даже Поль де Кока. Я не мог не заметить, что, в то время как Григорович предметы для своих описаний брал из близко наблюдаемой им действительной жизни, Федор М~~ихайлови~~ч, живя почти затворником и отказываясь от общества, стал создавать себе каких-то химерных героев, отчасти по прочитываемым им французским романам, а отчасти по собственной своей мечтательной и фантастической натуре. Одним из любимых им французских писателей был тогда Frédéric Soulié, и первое, что он мне рекомендовал для чтения, был роман его «Les Mémoires du diable» **. <л. 21>

Молодые люди в двадцатых годах обыкновенно гонятся за женскими идеалами, ищут какой-то идеальной любви, привязываются к хорошеньким и одаренным разными достоинствами молодым женщинам, даже нередко женятся по любви. Замечательно, что у Ф~~едора~~ М~~ихайлови~~ча ничего подобного не было заметно. В этом отношении он составлял еще резкий контраст равно со своим старшим братом, как и с Григоровичем. К женскому обществу он всегда казался равнодушным, при разговоре о нем улыбался свойственной ему добродушно-сардонической улыбкой и даже чуть ли не имел к нему какую-то антипатию. Впрочем, может быть, и в этом отношении он скрывал кое-что; по крайней мере меня удивляло, что он немало интересовался стихами влюбленного А. Сушкива, адресованными, как известно, к актрисе Асенковой, и особенно <выделял> роман «Прости меня, прости, прелестное созданье», который он то и дело тихо распевал про себя.

Но более всего он тяготился обязанностью своей ходить ежедневно в офицерские классы. Часто повторял он, что при первой возможности он почтет долгом подать в отставку, и если по окончательном выходе из училища он прослужил еще год, другой, то, без сомнения, единственно только под влиянием угрозы Куманина прекратить ему дальнейшее вспомоществование в случае выхода в отставку. <л. 21 об.>

** «Записки дьявола» (фр.).

Между тем 10-го ноября мы получили от Михайла Михайловича известие о рождении у него сына. Федор Михайлович zarówno был восприемником и со свойственною ему щедростью он принял большую часть издержек по крещению новорожденного на себя.

Для осуществления главных целей, т. е. скорейшего выхода в отставку и посвящения себя исключительно литературе, нужно было прежде всего окончить экзамен из офицерских классов. В конце 1842-го года Ф.М. поэтому стал усиленно заниматься инженерными науками. В то же время и мне скоро предстоял выходной экзамен из Медицинской академии. Хотя продолжавшееся болезненное состояние Федора Михайловича и требовало моей помощи, но обоюдные обязательные наши научные занятия препятствовали частому нашему свиданию.

Так как вообще до 1843-го года наши сношения ограничивались только временными взаимными посещениями, то, в сущности, многое в житье-бытье Федора Михайловича, в его чувствах и мыслях, произведениях, <л. 22> занятиях и предприятиях осталось для меня неясным и даже неизвестным. Несмотря на то что я постоянно вел кой-какие записки, сохранившиеся и до сих пор, по давности прошедших лет многое перепуталось или даже вовсе изгладилось из моей памяти. В 1841-м году приехал в Петербург младший брат Федора Михайловича Андрей Михайлович, поселившийся с ним на одной квартире и поступивший в декабре 1842-го года в Строительное училище. Он был так обязателен, что письмом от 27-го февраля сего (1881-го) года навел меня на след разных неточностей и ошибок в моих воспоминаниях о покойном. Надеюсь, что он будет в состоянии и не откажется пополнить оставшиеся у меня пробелы.

30-го октября 1842-го года Ф. М. достиг совершеннолетия.

Весною 1843-го года здоровье Федора Михайловича стало поправляться. По-видимому, и материальные его средства улучшились; во время великого поста он навещал <л. 22 об.> концерты вновь прибывшего Листа, знаменитого тенора Рубини и кларнетиста Блаза; 18 апреля мы были на представлении «Руслана и Людмилы». С привычным увлечением он мне декламировал отрывки из сочинений Гоголя, также Ламартина «Le poète mourant»*, но более всего он занимался чтением французских романистов, особенно «Confession générale»**

---

* «Умирающий поэт» (фр.).

** «Общая исповедь» (фр.).

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Фредерика Сулье, «Les contes bruns»^{*} Бальзака, «Japhet à la recherche d'un père»^{**} Марриата и т. под. Но уже с начала мая он отказался от всех развлечений, потому что пришлось серьезно заниматься приготовлением к окончательному экзамену, продолжавшемуся от 20-го мая до 20-го июня.

Как раз в то же самое время и я держал выходной экзамен из Мед. академии. Вследствие усиленных трудов я заболел не в шутку: общая слабость, совершенно расстроенное пищеварение, лихорадочное состояние не уступали никаким средствам. Еще 30-го июня я лежал, почти без надежды на выздоровление. Почти две недели я не принял никакой <л. 23> пищи. Вдруг около полудня приезжает ко мне Федор М<ихайлови>ч, совершенно изменившийся, — веселый, здоровый, довольный своею судьбою. Почти силою он заставил меня подняться с постели и сесть с ним в пролетку. Извозчик-лихач прокатил нас по островам, по Петербургской стороне, через Троицкий мост и так дальше до Невского проспекта. Катанье продолжалось около двух часов. В это время Ф<едор> М<ихайлови>ч рассказывал мне о благополучном окончании своего экзамена, о выпуске из училища с чином подпоручика (в полевые инженеры), о получении от Куманина достаточной суммы денег, о расплате со всеми кредиторами, о получении 28-дневного отпуска в Ревель и о намерении своем, на другой же день, в четверг, 1-го июля, отправиться в Ревель для свидания с братом. В заключение он завез меня в ресторан Лерха на Невском проспекте, где потребовал сначала номер с роялем, а затем роскошный обед в восемь блюд с разными винами. Каково было мне, <л. 23 об.> больному, расстроенному, истощенному, смотреть на богатырский аппетит, на неистощимую веселость моего собеседника? Подавали разные закуски, суп, жаркое, соус, вина, и Федор М<ихайлови>ч не переставал приглашать меня отведать хоть малость чего-нибудь или же сыграть на рояле. Положение мое было ужасное: ни к тому, ни к другому я не был способен. Но мало-помалу — странно — я начал чувствовать, что пример Федора М<ихайлови>ча действует на меня заразительно. Я пробовал отведать сардинку, вслед за тем выпил рюмочку вина, съел кусок жареной индейки и — свершилось чудо: болезнь мою как рукой сняло. Боль под ложечкой и в желудке прекратилась, общей слабости как будто не бывало. Весь обед до конца мы

---

* «Темные рассказы» (фр.).

** «Иафет в поисках отца» (фр.).

ели с одинаковым аппетитом, и после шампанского фантазия на рояле полилась рекой. Оказалось — я выздоровел окончательно.

На другой день в 10 часов утра я проводил Федора Михайловича на отправлявшийся в Ревель финский пароход «Сторфорстен». <л. 24>

Во время отсутствия Федора Михайловича хозяином на его квартире оставался молодой, сколько помнится, едва 16-тилетний, скромный, тихий и добрейший брат его, Андрей Михайлович. Это были настоящие каникулы для денщика Семена, который, катаясь как сыр в масле, в отсутствие своего барина разжирел и расплылся неимоверно.

Недели через три я взял отпуск в Ревель, где застал братьев Михаила и Федора Михайловича квартирующими в доме моего отца (за Михайловскими, или Карьевскими, воротами) и вполне наслаждающимися юною свободою. В этом прекрасном молодом семействе, исполненном чувств нежнейшей братской и семейной любви, под впечатлениями чудной природы, поэзии, литературы и музыки, я видел картину полного земного счаствия. Кто бы тогда мог подумать, что не более как лет через пять это счастье так резко изменится?

27-го июля Федор Михайлович возвратился в Петербург. Несмотря на то что дни, проведенные в Ревеле, он и считал счастливейшими в своей жизни, из разговоров его нельзя было не заметить, что ревельское <л. 24 об.> общество, со своим традиционным кастовым духом, своим непотизмом и ханжеством, своим пиетизмом, поджигаемым фантастическими проповедями тогдашнего модного пастора гернгутера Гуна, своею интолеранциею, особенно в отношении военного элемента, произвело на Достоевского весьма тяжелое впечатление, которое долго или во всю жизнь в его душе не изгладилось. Федор Михайлович, воспитанный в евангельских правилах всеобъемлющей и всепрощающей христианской любви, привыкший и по врожденной доброте своей склонный смотреть не только на мелкие грешки, но и на самые преступления, искупаемые большею частию их мотивами или посторонними случайными обстоятельствами, со снисхождением, был тем более поражен, <что> он именно в этом немецком обществе ожидал встретить задатки высшего образования и лучшего понимания света и людей. Пресловутые ревельские красавицы поразили его своей наклонностью к сплетням и злоречью (еще в начале текущего столетия писатель Коцебу дал Ревелю название

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Krähwinkel^{*}), своей придиличностью ко всем воз<л. 25>можным мелочным недостаткам, а особенно к несоблюдению внешнего религиозного формализма, можно сказать — своим изуверством, основанным на гернгутерском иезуитизме, вследствие чего они разыгрывали настоящих *filles et femmes dévotes*^{**} или *béguines*^{***}. С трудом мог я убедить Федора М<ихайлови>ча, что всё это есть только местный колорит, свойственный единственно жителям Ревеля, и то не всем, что нигде — ни в Финляндии, ни Лифляндии, Курляндии, ни за границей между немцами — не существует ничего подобного, но, наоборот, везде они славятся своей общежительностью и благодушием (*Gemüthlichkeit*); Федор М<ихайлови>ч по своей склонности к генерализации после месячного пребывания в Ревеле возымел какое-то предубеждение, если не сказать антипатию, против всего немецкого, что впоследствии открыто им высказано было не в одном случае.

С другой стороны, старший брат его был до крайности озабочен необыкновенною беспечностью Федора М<ихайлови>ча. Добрейшая невестка его, Эмилия Федоровна, представлявшая, как я уже сказал, образец всех <л. 25 об.> женских добродетелей, соображавшаяся постоянно с обожаемым ею мужем и поэтому чуждая всех недостатков большей части своих соотечественниц, с особеною заботливостью снабдила его полным ремонтом всех хозяйственных принадлежностей, преимущественно белья и платья, столь дешевого в Ревеле. Но Михаил М<ихайлови>ч откровенно мне сознался, что, к изумлению, брат его никогда не знает не только сколько у него налицо в кармане денег, но даже сколько у него платков, сорочек, разного платья и пр. Потому-то он просил меня убедительно поселиться в Петербурге с ним на одной квартире и, если возможно, приучить его хоть немногого к немецкой аккуратности.

Вернувшись в сентябре 1843-го года из данного мне в Ревель отпуска, я приехал прямо на квартиру к Федору Михайловичу, в которой уже при выезде из Петербурга оставлены были все мои книги и пожитки. Я занял пустой кабинет, занимаемый прежде братом его Андреем М<ихайлови>чем, окном на Графский переулок, насупротив дома барона Фредерикса. Кабинет я снабдил достаточным количеством приличной мебели, а в зале поместил фортепьяно Шрёдера. <л. 26>

---

* Захолустье (нем.).

** набожных девушек и женщин (фр.).

*** бегинок (лат.). Бегинки — женщины, члены религиозных общин, близких к монашеству.

Первая моя забота состояла в отоплении комнат, в которых был нестерпимый холод. Кроме того, оказалось, что Ф.М., не имея ни копейки денег, уже две недели кормился только молоком и хлебом, взятыми в долг из мелочной лавки. Долги накопились у него повсюду: и у портного, и у сапожника, и у прачки, и у домохозяина и пр. Между тем, вся обстановка его была не только бедна, но даже неопрятна; не было ни приличной посуды, ни достаточной одежды, ни даже белья; Федор М~~ихайлович~~ принадлежал к числу тех личностей, около которых всем живется хорошо, но которые сами постоянно нуждаются; его обкрадывали немилосердно, но при его доверчивости и доброте он не хотел вникать и обличать прислугу и ее приживалок, пользовавшихся его беспечностью. Он не замечал даже, что последние между собою вслух посмеивались и говаривали: «Из него никогда ничего путного не выйдет!» Дело, впрочем, казалось мне еще поправимым. У жившей по Большой Мещанской немки-кухнистериши Вильгельмсон я подписался на два месяца на обед и ужин, которые обошлись нам всего по 30-ти руб. асс. в месяц; затем я купил запас сахара, чаю, дров; привел дела с прачкою и лавочниками в порядок. Федор М~~ихайлович~~ был, по-видимому, всеми моими <л. 26 об.> распоряжениями очень доволен и сравнительно с прежним наше обоюдное положение казалось весьма удовлетворительным.

Признаюсь, что в деле хозяйства я сам был еще новичок и, проникнувшись вполне беззаветным оптимизмом моего товарища, не хотел допустить даже тени недоверчивости к кому либо из окружающих, а особенно к прислуживавшему нам обоим денщику Семену.

Первое, что возбудило мое подозрение, было неимоверное количество булок и белого хлеба, израсходованное нами, несмотря на то что кухнистриша при отпуске своих порций не скучилась на приложение этих припасов. Ежемесячный счет булочника простирался примерно до 25 руб. асс. и больше. Сначала я приписывал это гостеприимству Федора М~~ихайловича~~, который каждого бедняка, явившегося ко мне за врачебным советом, готов был принимать как гостя. На мои предостереженья он обыкновенно отзывался, что, «принявши за описание быта бедных людей, он рад слушаю познакомиться как можно ближе с пролетариатом столицы и потому на каждого приходящего бедняка смотрит как на необходимый ему предмет изучения». После я посоветовал отметить каждое утро количество израсходованного в сутки хлеба на положенном на столе <л. 27> листочке бумаги. В конце месяца оказалось, что каждым из нас взято было не более как рублей на пять, а между тем общий счет от булоч-

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

ника принесен был в 30 руб. асс. Не стерпел Федор М~~ихайлови~~ч! Гроза разразилась над денщиком, который наконец сознался, что, «находясь в интимных отношениях с прачкой, он не только ее, но и ее семейство и даже целую компанию ее друзей и приятелей про-кармливал на счет своего барина». Мало того, раскрылась и причина расхода носильного белья, ремонтировавшегося постоянно через три месяца при каждом получении денег от Куманина.

Начало было сделано: разочаровался Ф. М. в предполагаемой честности своего денщика и прачки. Но пришлось разубедить его также в бескорыстии и честности своих портных, сапожников, цирюльников и пр., а наконец довести до сознания, что и в числе угощаемых им гостей не все заслуживали безусловного доверия.

Предварительно скажу несколько слов об обыкновенном ежедневном препровождении времени Федора М~~ихайлови~~ча. Не имея никаких знакомств в семейных домах, навещая своих бывших товарищей весьма редко, он почти всё время, свободное от службы, проводил дома. Служба ограничивалась ежедневным (кроме праздников) хождением в Инженерный замок, где он с 9-ти часов утра до 2-х часов пополудни <л. 27 об.> занимался при Главном инженерном управлении. После обеда он отдыхал, изредка принимал знакомых, а затем вечер и большую часть ночи посвящал любимому занятию литературой. Какую ему принесет выгоду это занятие, о том он мало думал. «Ведь дошел же Пушкин до того, что ему за каждую строчку стихов платили по червонцу, ведь платили же Гоголю, — авось и мне заплатят что-нибудь!» — так выражался он часто.

Когда были деньги, он брал из кондитерской последневышедшие книжки «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» или другого журнала, нередко абонировался в которой-нибудь библиотеке на русские и французские книги. У меня были из новейших немецких беллетристических сочинений творения Карла Бека, Фрейлиграта, Рюкерта, Ник. Ленау, Эмм. Гейбеля, Ан.Грюна, Иммермана, Фёрстера, Гервега, Ланге, Г.фон Фаллерслебена, Гейне и Бёрге и пр. Федор Михайлович считал истраченные за эти сочинения деньги брошенными; единственные интересовавшие его стихи были: «Es kamen nach Frankreich zwei Grenadier»* Гейне и «Janko, der ungarische Rosshirt»** К.Бека. Во время безденежья (т. е. всего чаще) он сам сочинял, и письменный стол его был всегда завален мелко, но четко исписанными

---

* «Пришли во Францию два grenadera» (нем.).

** «Янко, венгерский табунщик» (нем.).

цельными или изорванными листами бумаги. Как жаль, что он в хранении своих листков не соблюдал порядка и аккуратности своего старшего брата! <л. 28>

После моего прибытия из Ревеля безденежье Федора Мих^{айлов}ча продолжалось долго. В продолжение двух месяцев он только питался надеждами на скорое получение. Всё это время прошло для него тихо, сомкнуто, даже (вследствие разных хронических страданий, на пользование от которых он тратил последние деньги) скучно и грустно.

Но вдруг в одно утро (это было в середине ноября 1843-го года) я заметил нечаянную перемену. Рано, в 8-м часу, слышно было из моего кабинета, что Ф.М. расхаживал по зале не по-обыкновенному, но как-то гордо, громко, самоуверенно. Разговор его с денщиком был повелительный, голосистый. «Верно, деньги получил!» — подумал я и, встав с постели, пошел осведомиться.

Так и было: на столе лежала повестка в 1000 рублей. Еще ранее чая Семен отправлен был с извещением ко всем кредиторам, имевшим явиться к 11-ти часам утра за получкою.

Находясь всё утро на службе во 2-м Сухопутном госпитале, я не был в состоянии наблюдать все перипетии сцен раздачи денег многочисленным кредиторам: эти сцены достойны кисти тех же великих художников, к числу которых принадлежал сам Достоевский. Возвратясь во 2-м часу к обеду, я не застал его дома и тщетно ожидал его весь вечер. <л. 28 об.>

Каково же было мое удивление, когда на другой день рано утром Федор М^{ихайлови}ч своею обыкновенною тихою, робкою походкой взошел в мою спальню с просьбой одолжить ему пять рублей. «А тысяча рублей-то куда делись?» — был мой вопрос. «Не осталось ни гроша!» — был ответ, и затем воспоследовало объяснение о раздаче: портному — 300 руб., сапожнику — 100 руб., в кондитерскую, виноторговлю, булочнику, парикмахеру, прачке, швейкам и пр. — 300 руб. Играя в ресторане на билльярде, было спущено 250 руб.; затем привязался какой-то неизвестный, предлагавший возвратившемуся в полночь утомленному Федору М^{ихайлови}чу проводить его и затем поиграть с ним в пикет. Положив последние 50 руб. в столик (никогда не запирая), Федор М^{ихайлови}ч оставил неизвестного в кабинете, а сам вышел на минуту, чтобы приказать денщику поставить самовар; по возвращении его неизвестный извинился, что не станет чай пить, что уже поздно, затем поспешно встал, оделся

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

и распостился. По уходе его лежавших в столике 50-ти рублей не оказалось! Итак, предстояли вновь три месяца безденежья, с новым накоплением долгов, с новыми лишениями всякого рода!

Делать было нечего! Пришлось помогать из моих скромных ресурсов бедному другу и читать ему наставления. Для устраниния пагубных связей я старался познакомить его <л. 29> в некоторых семейных домах. Первым в том числе был дом почтенного бельгийца Монтины, служившего в то время механиком при арсенале. Монтины заключил в 1833-м году контракт с правительством, которым он обязался в продолжение десяти лет выстроить 12 пушек своего изобретения, заряжающихся с казенной части. За это он получал по 3600 руб. асс. в год жалованья и, по истечении 10-ти лет, если пушки будут признаны вполне пригодными, он должен был получить 36000 руб. асс. награждения. К несчастию, он вступил в последнее время в пререкания с начальником штаба Артиллерийского управления ген~~ералом~~ Эйлером, находившим выстроенные им пушки не вполне соответствующими цели. Монтины жил в соседстве с нами в Эртельевом переулке в доме аптекаря Фромма. Он вел жизнь открытую; старшая дочь его была замужем за парижанином Бильштейном; старший сын был его помощником при литейной; младший сын оканчивал курс в Брюссельской консерватории, из которой в ноябре 1843-го года был выпущен с золотою медалью за игру на виолончели. После некоторых успехов в Петербурге он в 1844-м году начал свое артистическое путешествие по Европе. Младшая дочь Эмилия, 17-ти лет, была красавица с прекрасным образованием и отличная пианистка. <л. 29 об.>

Старик Montigny был почтенный, простой добряк, занимавшийся страстно разными изобретениями по механике, он любил общество и музыку. В доме его по вечерам собирались образованные люди, преимущественно иностранцы; там я познакомился с виолончелистом Cellier и с кларнетистом Блазом. Навестивши нас несколько раз, он пригласил к себе Федора М~~ихайловича~~. Но сей последний в этом обществе оказался совершенным нелюдимом; после двух вечерних посещений он не удержался высказать напрямик свое нерасположение к иностранцам и прекратил навсегда дальнейшее знакомство с ними.

Еще неудачнее было знакомство с швейцарцами. На Выборгской стороне была известная ситцевая фабрика швейцарца Шугарта. Еще будучи студентом, я нередко проводил праздничные вечера в этом прекрасном семействе, где, кроме образованнейших иностранцев, собирались и ученые люди, например, известный писатель доктор

Максимилиан фон Гейне (братья поэта), профессор Хоменко, товарищ мой, живописец и скульптор Андерсон и пр. Служившие в фабрике брат известного естествоиспытателя и туриста фон Чуди и писатель г. Фрей навещали меня нередко и познакомились с Федором Мчес. Но, будучи не совершенно тверд во французском разговоре, Ф. М. часто разгорячался, начал плевать и сердиться, и в один вечер разразился такой филиппикой против иностранцев, что изумленные швейцарцы его приняли за какого-то «enragé»* и почли за <л. 30> лучшее ретироваться. Несколько дней сряду Ф. М. просил меня убедительно оставить всякую попытку к сближению его с иностранцами. «Чего доброго, — женят меня еще на какой-нибудь француженке, и тогда придется проститься навсегда с русской литературой!»

Гораздо лучше Ф. М. сошелся с некоторыми товарищами моими из поляков. Первое место в том числе занимал выше уже упоминаемый незабвенный друг мой Станислав Осипович Сталевский. Он происходил из хорошего семейства Витебской губернии и провел юношеские лета в военной службе. Неудачи заставили его через покровительство своего дяди, Гр. Солтана, пристроиться к Медицинской академии, когда ему был уже 23-й год. Военная выправка, стройный высокий стан, красивое лицо с выразительно-польским типом, в котором просвечивало истинное добродушие, соединенное с замечательным умом, приятные манеры — всё это сделало Сталевского любимцем хорошего женского общества. Разговор его был увлекательный, но всегда обдуманный и осторожный. Опытность жизни отличала его перед товарищами, которые все были моложе его летами. Он был одинаково любим и уважаем равно своими товарищами, как и начальниками. Посещения его были Федору Мчу особенно приятны, так что, услышав голос его, он нередко бросал свои занятия, чтобы наслаждаться умною и приятною беседою. Сталевский <л. 30 об.> знакомил нас обоих с сочинениями Мицкевича, и многие из прекрасных его сонетов тогда же были мною переведены на немецкий язык.

Но всего непостижимее была для меня привязанность Федора Мча к одному молодому пролетарию, пользовавшемуся у меня врачебными советами, брату известного петербургского фортификационного мастера из Риги, Кёлеру. Это был низенький, вертлявый, угодливый, почти оборванный немчик, по промыслу — ходатай по делам (или, как он себя называл, — комиссир<>), а в сущности,

---

* безумца (*фр.*).

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

паразит, приживалка; заметив беззаветное гостеприимство Федора Михайловича, который готов был поделиться с приятным ему человеком последним куском хлеба, он сделался одно время ежедневным его посетителем — к чаю, утреннему или вечернему, к обеду или ужину. С непонятным терпением Федор Михайлович выслушивал его рассказы о петербургских пролетариях, между которыми Кёлер имел обширное знакомство; нередко он записывал слышанное, и впоследствии я убедился, что немало из сообщаемых Кёлером рассказов и типов перешло в романы «Бедные люди», «Господин Прохарчин», Неточка Незванова», «Двойник» и другие повести, сделавшиеся знаменитыми.

В декабре 1843-го года Федор Михайлович дошел опять до крайнего недостатка в деньгах. Обстоятельства сложились <л. 31> так, что пришлось обратиться к экстренной мере — к занятию денег у ростовщика. На Выборгской стороне по второй Солдатской улице жил тогда отставной унтер-офицер Маслов, бывший прежде приемщиком мяса у подрядчиков во 2-м Сухопутном госпитале. Здесь Маслов нажил капитал и выстроил трехэтажный дом. Он отдавал до глубокой старости деньги под залог. Но залогов у Федора Михайловича не было. Пришлось отправиться с Масловым к казначею Главного инженерного управления и дать ростовщику расписку на получение вперед жалованья за январскую треть 1844-го года, с ручательством казначея. Вместо 300 рублей асс. Федору Михайловичу досталось всего 200 руб., а 100 руб. асс. считались процентами за четыре месяца!

Но к 1-му февраля 1844-го года Куманин выслал опять 1000 руб. асс. Расход этих денег был такой же, как и прежде. К вечеру осталось всего только 100 руб., и с этими деньгами Ф. М. отправился к Доминику ужинать. Долго он наблюдал молча за биллиардной игрою. Вдруг к нему подсел какой-то немолодой толстяк и обратил его внимание на некоторые особенности играющих. «Вот, — говорил он, — заметьте этого молодого лысого человека! Ручаюсь вам, что этот господин не имеет и паспорта. А между тем <л. 31 об.> он здесь играет первую роль: вся прислуга им подкуплена. Заметьте, как он втягивает в игру одного за другим; иногда нарочно проигрывает, несмотря на то что каждому смело может дать вперед 59, и всегда будет уверен в выигрыше!» И действительно так и было. «А теперь обратите внимание, — продолжал господин, — когда окончится игра, как он щедро раздаст мальчикам кому целковый, кому два и больше. Потом обождет, не найдется ли еще охотников поиграть с ним; а когда увидит, что никого больше нет, то отправится в другую кондитерскую, или

гостиницу, или в трактир, где возьмется за те же фокусы!» Федору М~~ихайлови~~чу этот господин, познакомивший его с некоторыми из приемов биллиардных шулеров, показался образцом благонамеренности; вскоре он сблизился с ним. «Вот, — продолжал господин, — игра домино! самая невинная, честная игра! Никогда вы в ней не проиграетесь, никогда не рискнете сделаться жертвой мошенника!» Сказано — сделано: домино был подан; выучиться новой игре было нетрудно, а за обучение следовало быть благодарным учителю. Федор Мих~~айлович~~ по небольшой засел на 25 партий. При входе моем в кондитерскую игра была уже кончена и слишком 90 руб. проиграно. Для округления счета учитель сделал еще несколько приемов с шашками, вроде штоса: «направо, налево», а через несколько минут последняя сторублевая была спущена в руки толстого господина.

И на другой день новое безденежье, новые займы, нередко с <л. 32> платежом жидовских процентов, опять не на что купить саха-ру, чаю, дров, нечем платить за обед, новое бедствие и нищета.

В начале марта я был откомандирован к Ораниенбаумскому госпиталю, а вслед за тем должен был отправиться на Сергиевские минеральные воды. Мы простились с Федором Михайловичем. Не предвидел я, что через семь лет (в 1851-м году) придется нам встре-титься вновь, но уже в других обстоятельствах и — в Сибири.

Я выше говорил о постоянной болезненности Федора Михайловича. В чем состояла эта болезненность и от чего зависела она? Прежде всего он был золотушного телосложения, и хриплый его го-лос при частом опухании подчелюстных и шейных желез, также земли-стый цвет его лица указывали на порочное состояние крови (на кахек-сию) и на хроническую болезнь воздухоносных путей. Впоследствии присоединились опухоли желез и в других частях, нередко образова-лись нарыва, а в Сибири он страдал костоедой костей голеных. Но он переносил все эти страдания стоически и только в <л. 32 об.> крайних случаях обращался к медицинской помощи. Гораздо более его тревожили нервные страдания. Неоднократно он мне жаловался, что ночью ему всё кажется, будто бы кто-то около него храпит; вследствие этого делается с ним бессонница и какое-то беспокойство, так что он места себе нигде не находит. В это время он вставал и про-водил нередко всю ночь за чтением, а еще чаще за писанием разных проектированных рассказов. Утром он тогда был не в духе, раздра-жался каждою безделицей, ссорился с денщиком, отправлялся рас-

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

строенный в Инженерное управление, проклинал свою службу, жаловался на неблаговоливших к нему старших инженерных офицеров и только мечтал о скорейшем выходе в отставку. О болезненной его раздражительности, об опасении наступления какого-то летаргического сна пишет и брат его Андрей Михайлович в № 1778, <от> 8-го февраля 1881-го года, газеты «Новое время». Впрочем, и обстоятельства расстраивали его. То и дело он нанимал писарей для переписки черновых своих сочинений и выходил из себя, видя их ошибки и бесполезно им истраченные деньги. Между тем время шло, и Федор Михайлович до 23-х летнего возраста не заявил о себе еще ни одним печатным сочинением. Друзья его, как то Григорович в 1844-м году поставил уже на сцену две комедии, разыгранные с успехом; Патон оканчивал перевод «Истории польского восстания» Смиттена, Мих. Мих. оканчивал перевод «Дона Карлоса» Шиллера; я сам помещал разные <л. 33> статейки на немецком языке в «Магазине для немецких читателей в России» Л. Т. Эльснера, а Федор Мих<айлович>, глубоко веривший в свое литературное призвание, изготовил сотни мелких рассказов, но не успел еще составить ни одного вполне оконченного литературного труда. Притом денежные его обстоятельства со дня на день более и более приходили в упадок. Всё это расстраивало его нервы и производило припадки какого-то угнетения, заставлявшие опасаться нервного удара, или, как он выражался, кондрашки. Я как врач давно заметил его расстройство, требовавшее необходимо деятельности медицинского пособия, но я приписывал всё это неправильному образу жизни, бессонным ночам, несоблюдению диеты. Федор Мих<айлович> любил скрывать не только телесные свои недуги, но и затруднительные денежные обстоятельства. В кругу друзей он казался всегда веселым, разговорчивым, беззаботным, самодовольным. Но немедленно по уходе своих гостей он впадал в глубокое раздумье, затворившись в уединенном кабинете, выкуривал трубку за трубкой, обдумывал печальное свое положение и искал самозабвения в новых литературных вымыслах, в которых главную роль играли страдания человечества.

Это болезненное, глубоко потрясенное нервное состояние, это неудовлетворенное самолюбие, этот недостаток каких бы то ни было нравственных подпор может<.;>^{*} довести <л. 33 об.> человека, менее уверенного в своих дарованиях, до отчаяния, до самоубийства, и делает понятным, почему Федор Мих<айлович> впоследствии кинулся

---

* Чтение предположительно (Ред.).

в круг молодых эксцентриков, управляемых полуумным Буташевичем-Петрашевским. Отказавшись от службы, чуждаясь хорошего, особенно женского общества, будучи угнетен денежною нуждою и долгами, не удовлетворяясь литературными успехами, больной физически и нравственно, он искал оглушения, и, не имея никакого руководителя, он ринулся в такую пропасть, из которой ему суждено было выйти хотя нравственно успокоенным и очищенным, но все-таки с следами глубоких внутренних ран и с неизлечимою болезнью.* <л. 34>

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 109. *Михаил Михайлович на шестнадцатом году...* — Ко времени знакомства мемуариста с М.М.Достоевским в середине июня 1838 г. тому исполнилось полных семнадцать лет и девять месяцев. Ниже Ризенкампф сам пишет о встрече в доме полковника Зейдлица с «семнадцатилетним поэтом».

С. 110. ...*в то время когда Михаил М~~ихайлович~~ достиг в Петербурге почти независимого положения при самой завидной обстановке...* — Мемуарист имеет в виду период, когда М.М.Достоевский в 1852 г. на средства, полученные после раздела наследственного имения, приобрел табачную фабрику, сделался купцом 3-й гильдии и успешно занимался коммерцией.

С. 110. ...*Михаил М~~ихайлович~~ женился на 21-м году на особе, вполне его достойной...* — М.М.Достоевский венчался 11 января 1842 г. в ревельском Преображенском соборе с дочерью умершего ревельского гражданина Эмилией-Каролиной Дитмар (1821–1879). Ему в это время был 21 год и три месяца.

С. 111. ...*не вполне удачная женитьба на сибирячке...* — Хотя Достоевский венчался 6 февраля 1857 г. в Кузнецке (ныне Новокузнецк Кемеровской области), его жена Мария Дмитриевна (урожд. Констант, в первом браке Исаева; 1824–1864) не была сибирячкой. Она родилась в Таганроге, закончила Астраханский институт благородных девиц, в Астрахани же вышла замуж за коллежского секретаря А.И.Исаева и лишь в 1851 г., после того как ее муж получил назначение чиновником особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа, оказалась в Сибири (см.: Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М.Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 239–242).

---

* Далее в рукописи следует: «Конец первой тетради», подпись: «Александр Ег. фон Ризенкампф», место и дата: «Пятигорск. 9 декабря 1881-го года».

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

С. 111. *Это было в июле месяце 1837-го года.* — Ошибка памяти мемуариста. Знакомство Ризенкампфа с М.М.Достоевским произошло в середине июля 1838 г. В дальнейшем все указания в тексте воспоминаний на 1837 г. необходимо относить к 1838 г.

С. 111. *…врач института, доктор Кребель…* — Упомянут штаб-лекарь Главного педагогического института Рудольф Христианович Кребель.

С. 111. *…инженер-полковник Зейдлиц…* — Имеется в виду георгиевский кавалер (1836) Иван Иванович Зейдлиц (1789–1859); в службе состоял с 1810 г., с 20 марта 1836 г. полковник, с 23 марта 1847 г. генерал-майор; в дальнейшем начальник инженеров отдельного Оренбургского корпуса (см.: Список полковникам по старшинству. СПб., 1844. С. 86; Список генералам по старшинству. СПб., 1856. С. 352).

С. 111. *…в издаваемом Л.Т.Эльснером «Магазине для немецких читателей в России»…* — Имеется в виду петербургское немецкоязычное издание «Magazin belehrender und angenehmer Unterhaltung für deutsche Leser in Russland». Подробнее см. комментарий К.А.Баршта (*Лит. памятники*. С. 692).

С. 111. *…врачом этого училища, доктором Волькенау…* — В сентябре 1837 г. медицинское освидетельствование кандидатов на поступление в Главное инженерное училище проводил статский советник доктор Иван Васильевич Волькенау (1787–1854).

С. 111. *Экзаменатором нашим был инженер-подполковник Шарон…* — Имеется в виду прикомандированный к Ревельской инженерной команде Егор Николаевич Шарон (1797–1869); с 9 июля 1834 г. подполковник, с 23 апреля 1861 г. генерал-майор (см.: Список подполковникам по старшинству. СПб., 1844. С. 37).

С. 111. *Из материалов к биографии Федора Мих. Достоевского ~ в апрельской и майской книжках, соч. А.П.Милюкова…* — Неточно. Воспоминания Александра Петровича Милюкова (1817–1897) были опубликованы в мартовской и майской книжках журнала: Русская старина. 1881. Т. XXX, № 3. С. 691–708; Т. XXXI, № 5. С. 33–52.

С. 111. *…оба брата, воспитывавшихся в Москве в пансионе Чермака…* — В пансионе Леопольда (Леонтия Ивановича) Чермака (1774–1840-е) Михаил и Федор Достоевские учились с осени 1834 по весну 1837 г.

С. 112. *…«Видение матери».* — Полный текст стихотворения не сохранился. Посыпая «Видение матери» в письме отцу в январе 1839 г., Михаил Достоевский сообщал ему: «По своему содержанию, я знаю, оно будет Вам по сердцу. Я не могу вспомнить покойной мамень-

ки без сильного душевного движения! Летом я видел ее во сне; видел, будто она нарочно сошла с небес, чтоб только благословить меня, и это было причиною рождения моего стихотворения» (*Кумпан К.А., Конечный А.М.* Письма Михаила Достоевского к отцу // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 82). Познакомившись с «Видением матери» еще летом 1838 г., Достоевский писал брату: «В твоем стихотворенье <...> я не понимаю, в какой странный абрис облек ты душу покойницы. Этот замогильный характер не выполнен. Но зато стихи хороши, хотя в одном месте есть промах. Не сердись за разбор» (28₁; 55).

С. 114. ...*бывшему своему товарищу по пансиону г. Чермака Шидловскому...* — Неверно. С молодым чиновником министерства финансов Иваном Николаевичем Шидловским (1815–1872) братья Достоевские познакомились в Петербурге в мае 1837 г. Дата рождения И.Н.Шидловского (4 декабря 1815 г., а не 27 ноября 1816 г.) уточнена по публ.: *Акиньшин А.Н.* К биографии И.Н.Шидловского, приятеля Ф.М.Достоевского // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания (Воронеж). 1998. № 11. С. 76.

С. 114. *Шидловский, несмотря на убеждения своих друзей, упорно отказывался от печатания своих произведений.* — Неверно. Стихи И.Н.Шидловского печатались в столичных журналах. См., например, стихотворение «Небо», опубликованное в «Сыне отечества» (1838. Т. VI, № 11. Отд. I. С. 16–17).

С. 117. ...*сильно надеялся на протекцию своего родственника, генерал-лейтенанта Кривопишина, занимавшего влиятельную должность в Инспекторском департаменте.* — По поводу этого утверждения А.М.Достоевский писал: «Никогда Достоевские не состояли в родстве с Кривопишиным, и отец наш не только не был в родстве, но даже и не знал о существовании Кривопишина» (*Достоевский А.М.* Воспоминания. С. 124). В 1840 г., уже после смерти отца, сестра Достоевского Варвара Михайловна вышла замуж за пожилого вдовца П.А.Карепина. Сестра покойной жены Карепина была замужем за Иваном Григорьевичем Кривопишиным (1796–1867). Женатые на сестрах, Карепин и Кривопишин являлись свояками. Когда они оба овдовели и вновь женились, их родственные отношения пресеклись, но между Карепиным и Кривопишиным сохранились дружеские отношения. И муж сестры писателя просил своего бывшего родственника, который занимал в Военном министерстве достаточно высокое положение — служил в чине генерал-майора вице-директором Инспекторского департамента, — оказывать обучавшемуся в Главном инженерном училище кондуктору Достоевскому возможное покровительство.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

С. 117. ...ему пришлось в июле месяце того же года отправиться в Ревель для поступления кондуктором в тамошнюю Инженерную команду. — Неверно. М.М.Достоевский, будучи первоначально зачисленным 25 января 1838 г. в С.-Петербургскую инженерную команду, весной того же года был переведен в Ревельскую инженерную команду; он отправился в Ревель 22 апреля и прибыл к месту новой службы 25 апреля 1838 г. (см.: Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 46, 48–49).

С. 117. ...распорядителем оставшегося имения сделался родственник их, московский фабрикант Куманин. — После смерти М.А.Достоевского в июне 1839 г. муж тетки писателя по матери, купец 1-й гильдии Александр Алексеевич Куманин (1792–1863) отказался быть опекуном осиротевшего семейства Достоевских, и им был назначен каширский исправник Н.П.Елагин. Когда в 1840 г. сестра писателя Варвара вышла замуж, обязанности опекуна принял на себя ее муж, правитель канцелярии московского военного генерал-губернатора Петр Андреевич Карепин (1796–1850). В своих мемуарах Ризенкампф последовательно смешивает А.А.Куманина, неоднократно оказывавшего денежную помощь Достоевскому, и П.А.Карепина.

С. 117. ...Мусселиуса (служившего впоследствии в Омске и покровительствовавшего там по возможности Федору Михайловичу во время его ссылки)... — Капитан Вильгельм Вильгельмович (Василий Васильевич) Мусселиус, сослуживец М.М.Достоевского по инженерной команде в Ревеле, с 1851 г. преподавал в Сибирском кадетском корпусе, находившемся в Омске, немецкий язык (см.: Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853: В 2 ч. СПб., 1853. Ч. 1. С. 286; также см.: Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М.Достоевского. 1850–1854. Новосибирск, 1985. С. 21–22). Сослуживцами Мусселиуса по Сибирскому корпусу были также опекавшие каторжника Достоевского инспектор классов подполковник И.В.Ждан-Пушкин и законоучитель священник А.И.Сулоцкий.

С. 118. ...над одним из окон своего магазина у Банковского моста... — Имеется в виду мост через Екатерининский (ныне Грибоедова) канал, который с 1895 г. стал называться Демидовым. Осенью 1855 г. М.М.Достоевский с семейством поселился близ этого моста в доме вдовы надворного советника А.П.Пономаревой (позднее генеральской дочери А.А.Астафьевой), расположеннном на углу набережной канала и Малой Мещанской улицы (соврем. адрес: Казначейская ул., № 1/61). Квартира Достоевских была на третьем этаже, а в первом этаже находилась табачная фабрика, принадлежавшая Михаилу Михайловичу, и магазин при ней.

С. 118. *В ревельской книготорговле г. Эggerса...* — Фирма основана в 1813 г. Г.А.Эggerсом (1791–1851). После принятия Эggerса в Общегерманское биржевое общество книготорговцев он 1 апреля 1836 г. открывает книжный магазин «Эggerс&С» в Петербурге на Невском проспекте. В 1835 г. ревельский магазин Эggerса арендовал его родственник Ф.Ф.Клуге, продолживший торговать под старой фирмой. В 1841 г. Клуге с компаньоном К. Штремом выкупили у Эggerса арендуемое до того предприятие (см.: *Kaц Й.* Магазин «Клуге&Штрем»: 200 лет ревельской книготорговли // Столица (Таллинн). 2013. 11 февр. С. 11).

С. 118. ...второстепенных поэтов: *Бенедиктова, Тимофеева, Бернета, Грекова, барона Розена, Кукольника, кн. Крапоткина и пр.* — О поэтах А.В.Тимофееве (1812–1883), Е.Бернете (псевд. А.К.Жуковского; 1810–1864), Н.В.Кукольнике (1809–1868), бароне Е.Ф.Розене (1800–1860) см. биографические справки в изд.: Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. С. 551–554; Т. 2. С. 526–535, 589–593, 645–647. Наиболее значительным из перечисленных поэтов является В.Г.Бенедиктов (1807–1873), который в 1830–1840-е гг. далеко не числился «второстепенным», но во мнении публики чуть ли не считался конкурентом Пушкина, однако уже к 1860-м гг. пережил свою былую славу. Из всех перечисленных поэтов эпохи неизвестен князь Крапоткин. Возможно, его имя — aberrация памяти мемуариста.

С. 118. *Это побудило его взяться за перевод «Германа и Доротеи» и «Рейнеке Лиса» Гете.* — Сатирическая поэма И.В.Гете «Рейнеке-Лис» с предисловием М.М.Достоевского была опубликована в журнале «Отечественные записки» (1848. № 2–3). Его перевод эпической поэмы «Герман и Доротея» не известен.

С. 119. ...комедия «*Брат и сестра*» была им задумана еще в 1837 году. — Ошибка мемуариста. Под названием «Брат и сестра» в 1852 г. в № 3 журнала «Пантеон» М.М.Достоевский опубликовал отрывок из незавершенного романа «Деньги». Возможно, Ризенкампф спутал его с комедией «Старшая и меньшая», напечатанной в журнале «Отечественные записки» (1851. № 6) и тогда же поставленной на петербургской и московской сцене.

С. 119. ...начал перевод «*Дона Карлоса*» Шиллера. — Перевод был закончен в 1844 г. Позднее «Драматическое стихотворение Шиллера „Дон Карлос, инфант испанский“» с цензурными купюрами было опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» (1848. Т. LXXXVI–LXXXVIII, № 2–5).

С. 119. *По утверждении здесь генералом Фрейманом ~ для утверждения тогдашним начальником инженеров, генералом Геруа...* —

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Генерал-майор Отто Оттович фон Фрейман (1788–1858) с 1829 по 1838 г. являлся начальником Лифляндского инженерного округа; генерал-лейтенант Александр Клавдиевич Герау (1784–1852) — управляющий Инженерным департаментом и инспекторской частью Инженерного корпуса, начальник штаба генерал-инспектора по инженерной части.

С. 122. *...встречались в гимнастическом заведении шведа Дерона, помещавшемся в одном из павильонов Инженерного замка.* — Два павильона кордегардий (построены в 1798–1799 гг. по проекту арх. В.Ф.Бренна), изначально предназначенных для императорского караула, контролировавшего въезд на территорию Михайловского (Инженерного) замка, располагаются по красной линии Инженерной улицы (соврем. № 8 и 10). Согласно петербургскому адресному справочнику 1844 г. (см.: *Нистрем К.* Адрес-календарь санкт-петербургских жителей, составленный по официальным данным и сведениям: В 3 т. СПб., 1844. Т. 2. С. 58), «поручик гимнастики» Карл Фридрихович Дерон квартировал в непосредственной близости от указанных павильонов, в доме М.Х.Зантфлебен № 30 по Итальянской улице (соврем. № 29). Краткая характеристика этого лица из окружения Достоевского, данная Ризенкампфом («безукоризненный, добрый и во многих отношениях замечательный наставник»), не воспроизводилась ранее в печатных текстах его воспоминаний.

С. 122. *...и в январе 1841-го года мы его уже поздравили офицером.* — М.М.Достоевский был произведен в полевые инженер-прапорщики 9 января 1841 г. (см.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 235).

С. 124. *...еще в пансионе Чермака, как сообщает один из его товарищей, он не мог равнодушно видеть ~ подвергались насмешкам или обидам от старших учеников...* — Имеется в виду Владимир Михайлович Каченовский (1826–1892), поступивший в пансион Л.Чермака в 1834 г. После смерти Достоевского он опубликовал в газете «Московские ведомости» (1881. 31 янв. № 31) воспоминания о писателе, где, в частности, писал: «В первый же день поступления (в пансион. — Б.Т.), когда я, оторванный от семьи, окруженный чужими для меня лицами и, как новичок, даже обижаемый ими, предавался порывам детского отчаяния, во время рекреации послышался в среде резвившихся вокруг меня детей знакомый голос... Это был Федор Михайлович Достоевский, который, увидев меня, тотчас же подошел ко мне, прогнал шалунов-обидчиков и стал меня утешать, что ему скоро и удалось вполне» (Ф.М.Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 31).

С. 125. *Он нанял квартиру на углу Владимирской улицы и тогдашнего Чернышева переулка, в доме почт-директора Прянишникова, в третьем этаже.* — Ошибка памяти мемуариста: квартира располагалась в доме на углу Владимирского проспекта и Графского переулка (соврем. № 11/10х). Серьезная проблема возникает и с идентификацией домовладельца. Петербургским почт-директором и одновременно директором почтового департамента в 1840-е гг. являлся тайный советник *Федор Иванович Прянишников*. Далее Ризенкампф пишет о домовладельце как «известном любителе искусств», что также соответствует характеристике Ф.И.Прянишникова, известного библиофила и собирателя произведений искусства. Однако, согласно справочникам 1840-х гг., хозяином указанного дома был коллежский советник *Константин Яковлевич Прянишников* (см.: *Цылов Н. Алфавитный указатель к Атласу 13-ти частей С.-Петербурга. СПб., 1849. С. 193*). Подробнее об этой проблеме см.: *Тихомиров Б.Н. «А живу в доме Шиля...».* Петербургские адреса Достоевского, известные и неизвестные. 1837–1881: Исследование. СПб., 2017. С. 130–132.

С. 125. *…квартиру двух его товарищей по училищу, Р. и Д., занимавших насупротив его, в доме Фредерикса, за ту же цену пять комнат...* — Современный адрес дома барона Б.А.Фридерикса — Владимирский просп., № 13, угол Графского пер., № 9. Предположительно, одним из двух указанных соучеников писателя по Главному инженерному училищу мог быть Дмитрий Ильич Романовский (1825–1881), который был выпущен поручиком из верхнего офицерского класса через год после Достоевского, в 1844 г. (см.: *Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. Приложение. С. 103, отд. паг.*), то есть с 1842 г. жил на «вольной» квартире. Основанием для такого заключения является замечание Ризенкампфа о том, что товарищи Достоевского жили в доме Фридерикса с семьями; согласно же адресной книге 1844 г., в этом доме также квартировал брат Романовского — Федор Ильич, служивший начальником 6-го отделения департамента в Министерстве юстиции (см.: *Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей… Т. 2. С. 479*). В таком случае вторым жильцом дома Фридерикса, скрытым мемуаристом под инициалом *Д.*, мог быть однокурсник Романовского — Игнатий Осипович Дунин-Слепец (1823–1902) (см.: *Максимовский М. Указ. соч. С. 102, отд. паг.*).

С. 126. *Казенный денщик его, Семен, толстый, здоровый детина ~ чем на русского солдата...* — В эпистолярных и мемуарных источниках упоминаются три слуги Достоевского в 1840-е гг.: Егор,

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Семен и Евстафий. Однако в биографическом справочнике, посвященном окружению писателя, зарегистрированы только двое из них: Егор и Евстафий (см.: *Белов С.В. Ф.М.Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 295*). Семен упоминается только в мемуарах Ризенкампфа. Причем его характеристика здесь близко совпадает с той, которую М.М.Достоевский дал *Егору* в письме брату от 5 декабря 1841 г.: «Егор твой — вор, развратник и пьяница. <...> Брат, это самый злодей! <...> Он обкрадывает тебя» (Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 268). В этой связи можно было бы предположить, что Ризенкампф просто путает имя слуги. Однако другие наблюдения позволяют заключить, что это не так. Имена слуг в источниках строго распределются по трем хронологическим периодам: во время учебы Достоевского в офицерских классах (1841–1843) — Егор, во время службы в чертежной Инженерного департамента (1843–1844) — Семен, после выхода в отставку (19 октября 1844) — Евстафий. В придачу в указанном письме брат Михаил рекомендует Достоевскому прогнать Егора и вытребовать себе *деницика* (Там же). Значит, Егор служил у него по вольному найму. Семена же Ризенкампф аттестует как «казенного денцика». Всё это приводит к выводу, что Семен появился в доме писателя на смену Егору. Колоритная портретная зарисовка денцика Семена присутствует только в ранее не публиковавшейся части воспоминаний Ризенкампфа. К.А.Барштом высказано предположение, что «денщик Семен — вероятный прототип слуги Фальдони в романе „Бедные люди“» (*Лит. памятники*. С. 696). Однако «рыжий» Фальдони, «чухна какая-то, кривой, курносый, грубиян» (Там же. С. 16), совсем не похож на «смахивавшего на какого-нибудь французского *chef de cuisine*» Семена, отличавшегося «благодушной физиономией».

С. 126. ...г-жи Асенкова, *Дюр* и пр. производили неимоверное впечатление... — По причине допущенной опечатки («г-жа Асенкова, Дюр»), в комментарии К.А.Баршта (см.: *Лит. памятники*. С. 684) назван популярный артист Александринского театра Николай Осипович Дюр (1807–1839), в то время как мемуарист имеет в виду его жену — Марию Дмитриевну Дюр (урожд. Новицкую; 1815–1868), актрису, танцовщицу, сначала певшую в опере, но позднее, в сезон 1840/1841 г., перешедшую в драматическую труппу. Причем, поскольку Ризенкампф пишет о театральных впечатлениях 1841–1842 гг., упоминание умершего в мае 1839 г. Н.О.Дюра было бы здесь анахронизмом.

С. 127. *Старший сын его, Федор, сделался замечательным пианистом и находится теперь учителем музыки при Марииинской*

женской гимназии в Саратове. — Федор Михайлович Достоевский-младший окончил Петербургскую консерваторию по классу профессора А.Г.Рубинштейна; с 1879 по 1906 г. был преподавателем музыки в саратовском Марининском институте благородных девиц.

С. 127. *...маскерыады в Дворянском собрании, в соединенном обществе, в немецком собрании.* — Дворянское депутатское собрание с 1839 г. размещалось в собственном доме на Ново-Михайловской улице, № 1 (соврем. адрес: Михайловская улица, № 2; здание петербургской Филармонии); клуб Соединенного общества располагался на Невском проспекте в доме вдовы полковника Ольги Энгельгардт, № 33 (соврем. № 30), перебираясь в летнее время на набережную Фонтанки у Измайловского моста в дом купчихи Татьяны Тарасовой, № 103 (соврем. № 116), а Немецкое танцевальное общество в зимнее время квартировало в доме отставного майора Вл.Косиковского на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы (соврем. № 15/14), а летом — в доме Трувеллер напротив Новой Голландии (см.: Пушкирев И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии: В 4 ч. СПб., 1841. Ч. 3. С. 136, 149; также см. след. примеч.).

С. 127. *...существовали еще танцклассы с штицбалами: Марцинкевича, Бурé, мадам Кестениг, Рейхардта и пр. ...* — Три адреса из четырех названных Ризенкампфом танцклассов находим в описании Северной столицы И. Пушкирева: «Луизы Кессених (у Ризенкампфа — Кестениг. — Б.Т.) напротив здания Новой Голландии, в доме Трувеллера. Марцинкевича в доме Мещанского общества (на Фонтанке. — Б.Т.), близ Чернышева моста. Бури (у Ризенкампфа — Бурé. — Б.Т.) по Перинной линии в доме Крохалева» (см.: Пушкирев И. Описание Санкт-Петербурга... Ч. 3. С. 151). Местоположение танцевального зала Луизы Кессених-Графемус указано и в комментарии К.А.Баршта (набережная реки Мойки, 95), но не отмечено, что это исторический адрес, который в 1840-е гг. выглядел так: дом капитанши Елены Трувеллер, по набережной Мойки, № 95 (соврем. № 104). Комментатор также указывает что «танцевальное заведение К.М.Марцинкевича (ум. 1867), называемое завсегдатаями „Марцинки“», располагалось по адресу: «Гороховая улица, 57 / набережная реки Фонтанки, 81» (Лит. памятники. С. 687). Однако это позднейший адрес, уже 1860-х гг.; в 1840-е гг., как следует из описания Пушкирева, он был иным. И наконец, современный адрес дома купчихи Екатерины Крохалевой, где располагались танцклассы Буре, — Думская улица, дом № 5. Местоположение танцклассов Рейхардта установить не удалось.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

С. 128. *Михайла Михайловича я застал уже женатым (он женился в конце 1841-го года).* — Неточно. См. выше примеч. к с. 110.

С. 128. ...*друг ~ артиста-поэта и музыканта-композитора Рамазанова...* — По-видимому, уже О.Ф.Миллер затруднялся идентифицировать упомянутое лицо, сократив все определения, кроме одного, и оставив в тексте только «артиста Рамазанова». В примечаниях сборника «Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников» (М., 1990. Т. 2. С. 611) другом Григоровича назван артист Александр Николаевич Рамазанов (1792–1828), что нельзя иначе расценить, нежели ляпсус. К.А.Баршт, в свою очередь, называет живописца и скульптора Николая Александровича Рамазанова (1817–1867). Но и это сомнительно: Рамазанов ни разу не упомянут в воспоминаниях Д.В.Григоровича. Скорее можно предположить, что это имя — ошибка памяти Ризенкампфа.

С. 129. ...*немало интересовался стихами влюбленного А.Сушкова, адресованными, как известно, к актрисе Асенковой ~ романс «Прости меня, прости, прелестное созданье»...* — Мемуарист дважды путается, называя поэта Дмитрия Петровича Сушкина (1817–1877), автора стихотворения «На смерть Асенковой», первого биографа актрисы (см.: Сушкин Д. В.Н.Асенкова // Репертуар русского театра. 1841. Т. 1, кн. 5. С. 16–23) — А. Сушкиным и приписывая ему авторство романса «Прости, прости меня, прелестное созданье», текст которого принадлежит А.И.Булгакову (1815–1836) и был впервые опубликован в журнале «Пантеон» в 1840 г. (Кн. 1, вклейка, с музыкой П.Федорова). Романс получил популярность в аранжировке М.И.Глинки (1843) (см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 636–637, примеч.). Очевидно, Ризенкампф спутал этот романс со стихотворением Д.Сушкина «Прости, прости!» («Прости, прости, и ты, кого так много, / Так искренно, так долго я любил...») (см.: Стихотворения Дмитрия Сушкина. Первая книжка. СПб., 1838).

С. 130. ...*10-го ноября мы получили от Михайла Михайловича известие о рождении у него сына. Федор Михайлович заочно был восприемником...* — Племянник писателя Федор Михайлович Достоевский-младший родился 29 октября 1842 г. и крещен в ревельской церкви Рождества Пресвятой Богородицы 30 декабря 1842 г. Восприемниками заочно были отставной подпоручик Федор Михайлович Достоевский-старший (дядя) и коллежская советница Варвара Михайловна Карепина. Указанное письмо М.М.Достоевского не сохранилось, но в нем могло содержаться лишь сообщение о рождении сына: крещение имело место через два месяца после рождения.

С. 130. ...поступивший в декабре 1842-го года в Строительное училище. — А.М.Достоевский поступил в Училище гражданских инженеров 6 декабря 1842 г. (с 17 декабря 1842 г., после слияния с Архитектурным училищем, — Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий) (см.: Достоевский А.М. Воспоминания. С. 131–132).

С. 130. ...письмом от 27-го февраля сего (1881-го) года навел меня на след разных неточностей и ошибок в моих воспоминаниях о покойном. — Отвечая на вопросы, заданные А.Е.Ризенкампфом в письме к нему от 16 февраля 1881 г. (см.: Лит. наследство. С. 548–550), А.М.Достоевский в указанном письме сообщал: «1-е) Вы сомневаетесь, что отец мой отвез двух старших братьев из Москвы в Птербург в 1837 году, и полагаете что это случилось в 1836 г. Но это действительно было, как я писал, в 1837 году; потому что матушка моя умерла 27 февраля 1837 года, а отъезд братьев произошел после смерти матушки, когда мы были в трауре»; «2-е) Брат Ф. М. действительно кончил курс в 1843 году и выпущен из 2-го Офицерского класса в чине подпоручика. <...> ...он постоянно ходил и в 1844 году, но не в офицерские классы, а в место своего служения которое, может быть, и помещалось в том же здании где было Училище»; «3-е) Вы сомневаетесь, что совершеннолетие брата Ф.М. состоялось в конце 1842 года; но ведь он родился 30 октября 1821 года, следовательно, 30-го октября 1842 года ему исполнилось 21 год, это по гражданским законам есть год совершеннолетия» (РО ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 22). Другие уточнения касались сведений о родственниках писателя. Все сообщенные А.М.Достоевским сведения учтены в тексте мемуаров Ризенкампфа

С. 130. Весною 1843-го года здоровье Федора Михайловича стало поправляться ~ во время великого поста ~ на отправлявшийся в Ревель финский пароход «Сторфурстен». — В изложении О.Ф.Миллера излагаемые далее события, включая выпускные экзамены по окончании Главного инженерного училища и поездку к брату Михаилу в Ревель, немотивированно датированы 1842-м годом. К.А.Баршт в комментариях корректирует эту информацию как ошибку памяти Ризенкампфа (см.: Лит. памятники. С. 695). Аутентичный текст воспоминаний восстанавливает реальную картину событий.

С. 131. В заключение он завез меня в ресторан Лерха на Невском проспекте, где потребовал сначала номер с роялем... — В 1843–1844 гг. ресторан принадлежал двум владельцам — Лерху и Излеру

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

(см.: Северная пчела. 1844. 24 марта, № 68. С. 270); позднее — одному Лерху (см.: Цылов Н. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. СПб., 1849. С. 174). Он находился на Невском проспекте, в доме купчихи А.Ф.Ильиной, № 77 (соврем. № 74). Ресторан славился тем, что устройство его было «настоящее парижское, а именно отдельные кабинеты, где вы можете обедать один или с приятелями, или даже с семейством» (Северная пчела. 1843. 5 июня. № 123. С. 490). Встречающееся в некоторых краеведческих изданиях указание на то, что ресторан Лерха располагался на Большой Морской улице, основано на недоразумении (см.: Демиденко Ю. Рестораны, трактиры, чайные: Из истории общественного питания в Петербурге XVIII — начала XX века. М., 2011. С. 112).

С. 132. *Непотизм* — предоставление привилегий родственникам или друзьям независимо от их деловых, профессиональных качеств; кумовство.

С. 132. ...*проповедями тогдашнего модного пастора гернгутера Гуна...* — О пасторе Августе Фердинанде фон Хууне (Huhn; 1807–1871) и его проповедях см. комментарий К.А.Баршта (*Лит. памятники*. С. 696).

С. 133. ...*писатель Коцебу дал Ревелю название Krähwinkel...* — Немецкий писатель и драматург Август фон Коцебу (1761–1819), находясь на русской службе, с 18 ноября 1783 г. занимал в Ревеле должность ассессора Апелляционного суда.

С. 135. ...*занимался при Главном инженерном управлении.* — После окончания Главного инженерного училища Достоевский с 23 августа 1843 по 19 октября 1844 г. служил «при С.-Петербургской инженерной команде, с употреблением при чертежной Инженерного департамента» (Указ об отставке; цит. по: Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 114–115). Чертежная располагалась в том же Инженерном замке, где прошли годы учебы писателя.

С. 135. ...«*Es kamen nach Frankreich zwei Grenadier*» Гейне... — Ризенкампф неточно приводит первую строчку стихотворения Г.Гейне «Два гренадера» (1820); должно быть: «*Nach Frankreich zogen zwei Grenadier...*».

С. 137. ...*в некоторых семейных домах ~ почтенного бельгийца Монтиньи, служившего механиком при арсенале.* — Комментируя сокращенный текст мемуаров, как он был опубликован в *Лит. наследстве*, К.А.Баршт указывает, что «сведений о названном лице не обнаружено» (*Лит. памятники*. С. 689). Парадокс ситуации, однако,

заключается в том, что полный текст воспоминаний Ризенкампфа заключает достаточно подробные сведения как о самом «почтенном бельгийце», так и о его семействе.

С. 137. ...с начальником штаба Артиллерийского управления ген~~ералом~~ Эйлером... — Генерал от артиллерии Александр Христофорович Эйлер (1773–1849) с 1833 г. являлся директором артиллерийского департамента Военного министерства, а с 1840 г. также членом военного совета (см.: Список генералам по старшинству. СПб., 1840. С. 50; СПб., 1844. С. 44)

С. 137. ...в Эртелевом переулке в доме аптекаря Фромма. — По-видимому, ошибка памяти мемуариста: в первой половине 1840-х гг. в Петербурге был лишь один домовладелец по фамилии Фромме [так!], его дом был не в Эртелевом переулке (ныне ул. Чехова), а в Стремянной улице (№ 4; соврем. № 3) и находился, действительно, «в соседстве» (в трех минутах ходьбы) от дома Достоевского и Ризенкампфа в Графском переулке (см.: Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей... Т. 1. С. 130; также см.: Цылов Н. Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. СПб., 1862. С. 397).

С. 137. ...я познакомился ~ с кларнетистом Блазом. Навестивши нас несколько раз, он пригласил к себе Федора М~~ихайловича~~ ~ прекратил навсегда дальнейшее знакомство с ним. — Факт посещения Достоевским в феврале–марте 1842 г. концертов бельгийского кларнетиста Арнольда Йозефа Блаза (Бласа; Blaes; 1814–1892) биографы писатели указывали неоднократно (см.: Летопись жизни и творчества Ф.М.Достоевского. Т. 1. С. 77, 78). Однако, в силу того, что комментируемый фрагмент был исключен из печатных публикаций воспоминаний Ризенкампфа, личное, пусть и непродолжительное знакомство Достоевского с прославленным музыкантом осталось вне поля зрения исследователей. В частности, упоминание Блаза отсутствует в энциклопедическом словаре С.В.Белова «Ф.М.Достоевский и его окружение».

С. 138. ...ситцевая фабрика швейца Шугарта. — Ситцевая фабрика швейцарского подданного купца 3-й гильдии Вильгельма Васильевича Шугарта находилась на Выборгской стороне, между Самсониевским проспектом и Большой Невкой (ныне Выборгская набережная), по адресу: Зеленков переулок, дом № 280 (см.: Цылов Н. Атлас 13-ти частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. СПб., 1849. Л. 367. С. 266). Соврем. адрес: Зеленков пер., № 6. В комментарии

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

К.А.Баршта утверждается, что «в 1843 г. Достоевский посещал литературно-художественный кружок швейцарского заводчика Шугарта» (*Лит. памятники*), однако это ошибка, которая вызвана некорректной перекомпоновкой текста Ризенкампфа, сделанной в публикации *Лит. наследства*, в результате которой возникает ложное впечатление, что сообщение о собраниях в доме Шугарта связано с рассказом мемуариста о его попытках сблизить Достоевского со своими знакомыми «в некоторых семейных домах». Однако полный текст эпизода свидетельствует, что кружок Шугарта посещал еще в студенческие годы лишь сам мемуарист и он упомянут только потому, что в дом Достоевского в Графском переулке приходили знакомые Ризенкампфа по этому кружку швейцарцы фон Чуди и Фрей, служившие на фабрике Шугарта.

С. 138. ...*Максимилиан фон Гейне* (братья поэта)... — Доктор медицины Максимилиан (Иванович — в русской традиции) Гейне в первой половине 1840-х гг. служил врачом в Строительном училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий (см.: *Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей...* Т. 2. С. 515). Подробнее о нем см. комментарий К.А.Баршта (*Лит. памятники*. С. 689).

С. 138. ...*профессор Хоменко, товарищ мой...* — Скорее всего, имеется в виду рано умерший от холеры ученик К.К.Зейдлица — Александр Моисеевич Хоменко (1810–1848), окончивший с золотой медалью Медико-Хирургическую академию; в первой половине 1840-х гг. адъюнкт, позднее ординарный профессор академии (см.: *Нистрем К. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей...* Т. 2. С. 141; также см.: *Ларинский Н., Абросимов В. Забытые немцы // UZRF.ru — Портал учреждений здравоохранения РФ [Электронный адрес]. URL: http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/zabytye-nemcy/*).

С. 138. ...*живописец и скульптор Андерсон...* — По-видимому, имеется в виду шведский подданный живописец Клоф Андерсон, проживавший в доме № 37 купеческой жены Варвары Борисовой по 3-й линии Васильевского острова (см.: *Нистрем К. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1289*).

С. 138. ...*братья известного естествоиспытателя и туриста фон Чуди...* — Иоганн Якоб фон Чуди (von Tschudi; 1818–1889) — швейцарский натуралист и путешественник; в 1838 г. совершил поездку в Перу, где находился в течение пяти лет, изучая флору Анд; позднее посетил Бразилию и другие страны Южной Америки. Мемуарист

упоминает его младшего брата Фридриха фон Чуди (1820–1886), в дальнейшем ученого (зоолога и агронома) и политического деятеля, члена большого совета кантона С.-Галлен, члена швейцарского совета сословий (см.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефона. СПб., 1903. Т. 39, кн. 77. С. 11). В энциклопедическом словаре «Ф.М.Достоевский и его окружение» (Т. 2. С. 396), не упоминая о брате-естествоиспытателе, С.В.Белов указывает на другое лицо, данные о котором почерпнуты им из «Петербургского некрополя» В.И.Сайтова, — Иоанн фон Чуди (? — 9.7 1855). Однако для такой идентификации лица не приведено никаких оснований.

С. 138. ...*писатель Г. Фрей...* — В энциклопедическом словаре С.В.Белова «Ф.М.Достоевский и его окружение» (Т. 2. С. 367) без каких-либо обоснований в качестве знакомца Ризенкампфа и Достоевского указан Карл-Генрих Фрей (1808–1894), произвольно аттестованный «писателем», фамилию которого составитель обнаружил в «Петербургском некрополе» В.И.Сайтова (Т. 4. С. 337). Более основательно предположение К.А.Баршта (см.: *Лит. памятники*. С. 690), что это мог быть Адам Людвигович (Леонтьевич) Фрей, в 1838–1842 гг. обучавшийся на филологическом факультете Дерптского университета, который в 1843 г., не закончив полный курс обучения, выдержал экзамен на звание домашнего учителя и переехал в Петербург, где с 1845 г. преподавал латинский язык в евангелическо-лютеранском училище св. Анны (прописная Г. перед фамилией в таком случае должна прочитываться как Г<осподин>). Однако при ближайшем рассмотрении и этот вариант приходится исключить, поскольку из текста Ризенкампфа следует, что, наряду с фон Чуди, Фрей представлен в воспоминаниях как один из двух «швейцарцев», с которыми Достоевскому затруднительно было общаться по-французски, из-за чего и возник описанный мемуаристом конфликт. Таким образом, приходится констатировать, что это лицо остается нам неизвестным.

С. 138. ...*незабвенный друг мой Станислав Осипович Сталевский.* — Сведений об этом лице, как и об упомянутом далее его дяде Гр. Солтане, не обнаружено.

С. 139. ...*брату известного петербургского фортепианного мастера из Риги, Кёлеру.* — Несмотря на то что Кёлер аттестован мемуаристом как известный петербургский мастер, специалиста с такой фамилией в столичных справочниках 1840-х гг. не обнаружено. Существовал фортепианный мастер Келберер, чье заведение находилось в Фонарном переулке, в доме наследников купца Гейнриха Зондермана, № 10 (соврем. № 9) (см.: *Цылов Н. Городской указатель*, или

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕДОРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ДОСТОЕВСКОМ

Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений... С. 480). Возможно, Ризенкампф спутал его с имевшим практику в Северной столице позднее, в 1860-х гг., фортепьянным мастером Карлом Келером, чье заведение находилось в Михайловской улице, в доме Дворянского собрания, № 2 (см.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: В 5 отд. СПб., 1867–1868. Отд. IV. С. 222). В таком случае более позднее имя заслонило в памяти мемуариста более раннее.

С. 139. ...к занятию денег у ростовщика. На Выборгской стороне по 2-й Солдатской улице жил тогда отставной унтер-офицер Маслов... — В пересказе О.Ф.Миллера фамилия ростовщика опущена, что исключало возможность комментария. Восполненный текст позволяет вполне определенно указать на отставного унтер-офицера Родиона Ефимовича Маслова, который жил в собственном деревянном домике (однако не 3-х, а 2-хэтажном) на Выборгской стороне, по адресу: 2-я Госпитальная улица (2-й Солдатской в Петербурге не существовало, это ошибка памяти мемуариста), № 155 (См.: Цылов Н. Атлас 13-ти частей С.-Петербурга... Л. 371. С. 150). Соврем. адрес: участок дома № 32 по Астраханской улице. Судя по всему, Маслов явился прототипом ростовщика Маркова, «что на проценты дает» (1; 77), к которому в романе «Бедные люди» также на Выборгскую сторону идет Макар Алексеевич Девушкин. Атлас Цылова позволяет даже установить, где располагалась будка полицейского-грубияна, к которому с вопросом обращается герой, — в Сахарном переулке, на том самом месте, где от него отходила 2-я Госпитальная улица.

С. 139. ...бывший прежде приемщиком мяса у подрядчиков во 2-м Сухопутном госпитале. — 2-й Военный сухопутный госпиталь располагался также на Выборгской стороне, в начале Самсониевского проспекта (ныне Военно-клинический госпиталь Военно-Медицинской академии; адрес: Большой Сампсониевский просп., № 1, угол Пироговской набережной, № 1–3). Принадлежащие ему здания находились также в Сахарном переулке, 3-я Госпитальной улице и в Синявинском переулке, непосредственно против того места, куда другим своим концом выходила 2-я Госпитальная улица. Значит, ростовщик Маслов (см. предшеств. примеч.) построил себе домик, как и указывает Ризенкампф, непосредственно рядом с теми местами, где он ранее подвизался в качестве приемщика мяса.

С. 139. ...отправился к Доминику ужинать. — Первый в Петербурге кафе-ресторан на парижский манер (с 1841 г.; ранее кондитер-

ская — с 1838 г.), получивший у горожан название по имени владельца — итальянского мастера кондитерского цеха Людвига-Доминика Риц-а-Порта (1810–1860); располагался на Невском проспекте, в доме лютеранской церкви св. Петра и Павла. К.А.Баршт указывает современный адрес «популярного кафе „Доминик“» — Невский просп., дом № 24 (*Лит. памятники*. С. 697). Исторический адрес в 1830–1850-е гг. — Невский проспект, дом № 27.

С. 140. *В начале марта я был откомандирован к Ораниенбаумскому госпиталю...* — В изложении О.Ф.Миллера был указан лишь месяц 1844 года, в который мемуарист покидает Северную столицу: «В марте доктору Ризенкампу пришлось оставить Петербург». Полный текст позволяет уточнить время и причину отъезда.

С. 141. *Патон оканчивал перевод «Истории польского восстания» Смиттена...* — Ризенкампф ошибочно называет Смиттеном русского историка немецкого происхождения Фридриха фон Смита (von Smitt; 1787–1865) — автора «Истории польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.», вышедшей в 1839 г. в Берлине на немецком языке (подробнее см. комментарий К.А.Баршта: *Лит. памятники*. С. 691). Упомянутый Ризенкампфом Оскар Петрович Патон (1823–1893) — однокашник Достоевского по учебе в Главном инженерном училище (выпущен прапорщиком из верхнего офицерского класса в 1843 г.), позднее полковник в отставке, русский консул в Ницце (дата смерти Патона уточнена по изд.: *Дмитрієнко М.Ф., Томазов В.В. Матеріали до генеалогії Патонів // Український історичний журнал. 2008. Вип. 6. С. 183–195*).

*Подгот. текста, вступ. статья и примечания
Б.Н.Тихомирова**

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект 18-012-90019 Достоевский «Нерешенные вопросы научной биографии Ф.М.Достоевского: новые печатные и архивные источники».